

Чарльз Мори

БАЛАГАН

ПЕРЕВОД ОЛЬГИ ВАРШАВЕР И ТАТЬЯНЫ ТУЛЬЧИНСКОЙ

Действующие лица

(в порядке появления на сцене)

ГОРДОН ПЕЙДЖ, худрук (40-50 лет)
ДЖЕК МОРРИС, актер (20-30)
СЮЗАННА ХАНТСМЕН, режиссер (30-40)
МЕРИ ПЬЕР, актриса (20-30)
ТАЙЛЕР ТЕЙЛОР, актер (30-40)
ВЕРНОН ВОЛКЕР, актер (50-60)
РИЧФИЛД ХОКСЛИ, актер (70-80)
ДЕЙЗИ КОУТС, актриса (60-70)
КРЭГ КОНЛИН, завтруппой (40-50)
САРА МАККЕЙ, помреж (40-50)
ГЕНРИ МИЛЛС, художник (30-40)
КАРМА ШНАЙДЕР, стажер
БРОУН ОУКС, стажер
ЯН МИЛЛИКЕН, стажер

Место и время действия

Действие происходит пару лет назад, с февраля по сентябрь, в Новой Англии, то есть на северо-востоке США, в большом сарае, переделанном под театр под названием «Балаган», а также в других местах, указанных в ремарках.

Примечание

Если возникли технические трудности, или противопожарные предписания в вашем театре не позволяют сделать «взрывающийся крест», можно сыграть эпизод из «Дракулы», как будто крест должен «взорваться», но техника — разумеется — отказала.

Действие первое

Сцена 1

Февраль. Полная темнота. Луч света от карманного фонарика освещает хаотичное нагромождение самых разных вещей.

ДЖЕК. Брр, ну и холодрыга!

ГОРДОН. Не то слово. Сейчас выключатель найду. (Фонарик гаснет.) Черт! Вечно все ломается. (Резкий звук: удар? падение?) Уй-й-й!

ДЖЕК. Вы целы?

ГОРДОН. Вроде. (Зажигает спичку.) Вот, нашел. Я понял, где... (Спичка гаснет.) Блин! (Выходит; слышен щелчок и заваленное хламом помещение освещается хоть и тусклым, но все-таки светом; возвращается.) Ну вот, здесь все и происходит!

ДЖЕК. Здесь?

ГОРДОН. Да. Чувствуй себя как дома.

ДЖЕК. Ага... Однако!..

ГОРДОН. Удивлен? Ну да, это коровник.

ДЖЕК. Нет. То есть, да, видимо, коровник... или сарай?

ГОРДОН. Коровы — на выход, актеры — на вход.

ДЖЕК. Актеры вместо коров?

ГОРДОН. Ну, не так буквально. Впрочем, коров, как видишь, нет. Значит — вышли. Но они тут точно были лет сто... или двести... в общем, долго были. Когда идет дождь, в примерках дерьмом несет. Пару сотен лет копилось, не вдруг выветрится. Здание отремонтировали в 1933 году. Тогда и возник наш театр.

ДЖЕК. Не вижу следов ремонта.

ГОРДОН. Ну, сцену построили.

ДЖЕК. Послушайте, вы меня наверно брать не хотите, да?

- ГОРДОН. «Вопите, войте, войте!..»
- ДЖЕК. Неслабый замах для летнего театра. Длинный спектакль...
- ГОРДОН. Мы сокращаем, разумеется. Сделаем скромно, скупыми выразительными средствами. Каждый сыграет по две-три роли. Добьемся настоящей театральности. Зря что ли мы и решились на репертуарный театр?
- ДЖЕК. Репертуарный театр?
- ГОРДОН. А что это, по-твоему? Маленькая, талантливая, сплоченная труппа, три отличных пьесы в репертуаре. Один вечер даем «Дракула», на следующий — «Здравствуйте, я ваша тётя», а «Лира» между ними, в утренник.
- ДЖЕК. Да, холод собачий, как на вересковой пустоши. Живенький такой финал «Лира» получится. Отопление тут есть вообще? А кондиционер на лето?
- ГОРДОН. Только естественная вентиляция, сквозь щели меж досок. Ну и двери открываем, они широкие. «Злись, ветер, дуй, пока не лопнут щеки!»
- ДЖЕК. Кто играет Лира?
- ГОРДОН. Я. Пора мне взяться за сукина сына. Попробуй, продержись с летним театром двенадцать сезонов — тогда меня и поймешь. А местным критикам только волю дай, так покусают... «Острей зубов змеиных».
- ДЖЕК. Я думал, это про дочерей.
- ГОРДОН. Чьих?
- ДЖЕК. Лира.
- ГОРДОН. А! Ну да, конечно.
- ДЖЕК. А ставить кто будет?
- ГОРДОН. Я.
- ДЖЕК. Тоже вы?
- ГОРДОН. Знаю, сложно. Но пора-а, пора-а-а мне взяться за сукина сына. И — к черту сомнения!

- ДЖЕК. Ага. Туда им и дорога.
- ГОРДОН. Послушай! Сыграешь этого... как его?
- ДЖЕК. Эдмунда?
- ГОРДОН. Кого? Не-е-ет. Из «Дракула». Ты мог бы сыграть этого... как его?
- ДЖЕК. Ренфилда?
- ГОРДОН. Нет, я его сократил. Другого... ну?
- ДЖЕК. Ну, я с удовольствием попробую... (*изображает*)
- ГОРДОН. Нет-нет, не Дракула. Его я вижу совсем иначе. А этого, который все удивляется: «Доктор Ван Хельсинг, неужели вы, и правда, верите в вампиров?»
- ДЖЕК. А-а, этого... ну да...
- ГОРДОН. А в «Лире» — Эдмунда или Эдгара. Кто из них внебрачный сын? Вечно путаю.
- ДЖЕК. Хорошо, что вы не играете Глостера.
- ГОРДОН. Почему?
- ДЖЕК. Он их отец.
- ГОРДОН. Верно. Ну да, отцу бы лучше не путать.
- ДЖЕК. А кто играет Глостера? Или вы его тоже... сократили?
- ГОРДОН. Глостера играет Ричфилд Хоксли. Он у нас в труппе уже целую вечность. Начал стажером, еще при нашей родоначальнице Марии Успенской. В университете, в Принстоне, его соседом по общежитию был Джимми Стюарт.
- ДЖЕК. Господи, ему же лет двести!
- ГОРДОН. Нет, до двухсот пока не дотянул.
- ДЖЕК. Но если они жили в одной комнате со Стюартом...
- ГОРДОН. Ну, может с другим Стюартом. Со Стюартом

Грейнджером. В общем, он пока в отличной форме и... ладно, сплетни потом. Как распределятся остальные роли, пока не знаю. Много старых актеров, но много и новых. И еще ведь «Здравствуйте, я ваша тетя». Играл когда-нибудь?

ДЖЕК. Нет, но очень хочу. По-настоящему смешная пьеса. Гениальный фарс!

ГОРДОН. А я четыре раза играл. Один раз в платье.

ДЖЕК. Вы и тут постановщик?

ГОРДОН. Нет, «Тетку» ставит Сюзанна Хантсмен. Ты с ней знаком? Способная девушка! Только что Йель закончила. Это ее первая работа, но идей прорва, и все концептуальные!

ДЖЕК. Про «Тетку»?

ГОРДОН. Она выдала потрясающий дипломный спектакль! Поставила Тома Стоппарда в бассейне! С надувными куклами. С превращениями: мужчины в женщин и наоборот. С синхронным плаванием. Весьма эротично.

ДЖЕК. Вы сами видели?

ГОРДОН. Нет, она все с подробностями расписала Барбаре.

ДЖЕК. А кто это?

ГОРДОН. Барбара ДеМартино — наш главный спонсор. Без ее ежегодного взноса театр давно бы сдох. Барбара — известный покровитель молодых режиссеров. Особенно женщин. Особенно, если режиссер — дочь ее соседки по колледжу. Зимой она живет на Палм-Бич.

ДЖЕК. Сюзанна?

ГОРДОН. Барбара.

ДЖЕК. Ясно. Так какие идеи насчет «Тётки»?

ГОРДОН. Знаешь, положи руку на сердце, я бы одел тебя в платье...

ДЖЕК. Правда?

ГОРДОН. А ты сам-то не против?

- ДЖЕК. Конечно, нет, это же одна из самых смешных...
- ГОРДОН. Некоторые парни нервничают... крутые такие... сверх-правильной ориентации... Тебе тоже неловко? Ты из каких?
- ДЖЕК. Из обычных.
- ГОРДОН. Хорошо. А то я боялся. То есть, какой ты — неважно, я человек широких взглядов.
- ДЖЕК. И я.
- ГОРДОН. Так ты все-таки?...
- ДЖЕК. Нет. Я — нет. Я просто...
- ГОРДОН. Вот и славно. Славно не то, что ты — нет. Славно, что ты, кажется, не против платья?
- ДЖЕК. Это же самая смешная роль на свете. Я был бы счастлив ее сыграть. Когда-нибудь.
- ГОРДОН. Отлично! Значит, по рукам?
- ДЖЕК. Гмм... Я все-таки не уверен, что мне стоит сейчас уезжать из города. Мой агент наверняка будет против. Я только начал пробоваться в рекламных роликах. На прошлой неделе первый отказ пришел. Но меня позвали на повторную пробу в сериал «Сукины дети».
- ГОРДОН. Вот как? Ну что ж...
- ДЖЕК. Сейчас много новых сериалов запускается... вдруг что-то подвернется? Никогда не знаешь...
- ГОРДОН. Я-то знаю.
- ДЖЕК. А тут придется выпасть на целых четыре месяца.
- ГОРДОН. Ну, ты трижды подумай! Спасибо, что приехал, что познакомились.
- ДЖЕК. Пожалуйста. То есть — это вам спасибо. Правда, надо подумать.
- ГОРДОН. Ну что, пойдём? Насмотрелся?

ДЖЕК. Да. Тут вообще морозильник.

ГОРДОН. Что ж поделаешь, февраль. Включу, пожалуй, дежурный свет, чтоб нам с тобой шею не свернуть. (*Выходит, выключает освещение. Сцена на миг погружается в темноту, но тут же постепенно — на реостате — загорается дежурный свет, янтарный и теплый, и в сарае становится по-театральному уютно.*) Я знаю, тут сейчас кавардак. Но летом, в июле... Представь: чудесный теплый вечер, солнце садится, такой живописнейший задник... а иногда закатные лучи скользят по крыше, пробиваются сквозь кроны кленов и попадают в зал — через сетку на огромной двери, через щели, и возникает такой эффект — осветители отдыхают. А в другие вечера свет такой ясный, каждый предмет становится от него еще объемнее, как у импрессионистов... и сверчки свиристят... и сюда приходят люди, двести человек сидят в темноте на этих неудобных стульях, в этом ветхом сарае, которому без малого два века, сидят в духоте, без кондиционера, и смотрят, как мы играем. Почему? Для меня это загадка. Чудо, в сущности. Но как же хочется быть свидетелем... участником!

Свет меняется. Джек выходит. Гордон остается на сцене.

Сцена 2

К Гордону присоединяется Сюзанна. Они расставляют стол и стулья — это нью-йоркская студия, где идет прослушивание актеров. Пока идет эта сцена, стажеры разбирают хлам в сарае.

МЕРИ. (входит) Здравстье всем.

ГОРДОН. Привет.

МЕРИ. Меня Мери зовут. Спасибочки, что согласились меня прослушать. Я безумно хочу к вам попасть, прям всю жизнь мечтаю! Кстати, вы надолго в Нью-Йорке? Если да — на выходных можно посмотреть меня в спектакле, типа товар лицом. Это в Бронксе, в «Театро Гроссо». Ехать по линии Д, следующая остановка после стадиона «Янки». Вот рекламный проспект. Это новая инсценировка «Эпоса о Гильгамеше», все происходит в Персии или, может, в Иране, жутко давно, где-то в средние века или еще раньше... я даже не знаю, была ли старая инсценировка... Меня там насилуют боги! Прикиньте?

ГОРДОН. Боги? Насилуют?

МЕРИ. Да! Ваще подянка с их стороны. Но я сама предлагаю себя богам, называется «жертвоприношение девственницы». Кевин — наш режиссер, он со мной работает. Он это сам написал. Нет, не эпос. Инсценировку. А эпос написал кто-то великий. Типа Юджин О’Нил. Или Лопе де Вега. Я слишком много болтаю? Я вам щас Офелию покажу, лады? Можно вами попользоваться? В мизансцене?

ГОРДОН. Попользуйтесь. Сюзанна, ты с нами?

СЮЗАННА. Да. Но мной пользоваться не надо. Я этого не люблю.

МЕРИ. Вот сюда пересядьте, ага? *(показывает Гордону, куда ему надо передвинуться вместе со стулом)*

ГОРДОН. Сюзанна у нас ставит «Тётку Чарли».

МЕРИ. Круто. *(начинает потряхивать поочередно разными частями тела.)* Ой, я чё-то так зажалась. *(крутит головой по и против часовой стрелки.)* Ох... ахх... а-а-аххх... *(внезапно)* «А вот укроп для вас и колокольчики. А вот мать-мачеха для вас, а тут немного для меня. Она еще называется благодатной травой воскресной. О, вы должны носить ее как герб с отличием. А вот ромашки. Я хотела дать вам фиалок, но они все завяли, когда умер мой отец. Говорят, он легко умирал. *(поет)*

Мой милый Робин,
Вся радость моя...
Он не вернется сюда!
Он не вернется сюда!
Умер он и спит,
Он в гробу лежит,
Никогда не вернется сюда.
Как снег, его голова,
Как лен, его борода,
Он ушел, он ушел домой, -
Не вернуть его никогда!
Боже, смилуйся над его душой.
И над всеми христианскими душами,
Я молю Бога. Бог с вами!

*К концу песни она умудряется обвитья
вокруг Гордона и прижаться к нему всем телом.*

ГОРДОН. Гммм... что ж... занятно... хорошо... отлично...

Интересное решение.

- МЕРИ. Я считаю, Офелия предлагает себя Клавдию. Я работаю над этой ролью в школе-студии. Стопицот процентов предлагает!
- ГОРДОН. Стопицот?
- МЕРИ. Только Пол, преподаватель наш, говорит, что в моем прочтении роли не хватает интимной ноты...
- ГОРДОН. Не хватает?!
- МЕРИ. Ага. Но я стараюсь! Стараюсь вытащить из себя эту, блин, интимную ноту, чтоб она в каждом словечке, чтоб прям из ушей лезла...
- ГОРДОН. Отлично. Просто замечательно.
- МЕРИ. И вот сегодня, кажется, вытащила.
- ГОРДОН. Правда? Хорошо.
- МЕРИ. Еще хотите?
- ГОРДОН. Да... нет... мне хватит... думаю, достаточно... на сегодня... Что скажешь, Сюзанна? (*Мери наклоняется.*) Сыграет «Попку Чарли»? Тьфу, «Тётку Чарли»? (*Мери направляется к двери.*)
- МЕРИ. Побегу я. Спасибочки!
- СЮЗАННА. Мери, погодите! Вы умеете плавать?

Свет меняется. Мери выходит. Входит Тайлер.

- ТАЙЛЕР. (*читает по распечатке*) «Глупцы! Жалкие глупцы! Вы еще вырвете себе глаза от ужаса, от страха предо мной, ибо я — Дракул, властелин тьмы! Вы думаете, что оставили меня без прибежища, но нет! Один последний ящик с землей у меня еще остался. Ищите! Вам меня все равно не найти! Я усну в нем на многие века. Пробьет час моей мести! Да свершится по слову моему!»
- ГОРДОН. Отлично! Отлично! Превосходно!!! Тайлер. Признайся. Ты ведь это уже играл?
- ТАЙЛЕР. Прошлой зимой. В театральном кафе при Арт-

- ВЕРНОН. Неужели мой агент ничего не прислал?
- ГОРДОН. Похоже на то.
- ВЕРНОН. Невероятно! Вот обормотище! Не уверен, что у меня при себе что-нибудь есть. (*роется в портфеле*) Мне в последнее время фото не нужны.
- ГОРДОН. В самом деле?
- ВЕРНОН. Ну, профессионалы меня и так знают. Тридцать лет на сцене! Какие фото? Какие списки? Кому это нужно?
- ГОРДОН. Ну, это разумеется, формальность, но...
- ВЕРНОН. Кто играет Лира?
- ГОРДОН. Я.
- ВЕРНОН. Естественно.
- ГОРДОН. Пришло время и мне взяться за сукина сына.
- ВЕРНОН. Я сыграл Лира у Джо, в парке. В давние времена, когда он еще не являлся с кинозвездами. А мы с вами не пересекались?
- ГОРДОН. Не думаю. Меня зовут Гордон Пейдж и...
- ВЕРНОН. Нет. Не припоминаю. Расскажите о вашем театре.
- ГОРДОН. Это летний театр с давними традициями. Играем в старинном амбаре...
- ВЕРНОН. Я играл в тех краях. Озера, пляжи... В те времена, когда еще ставили пьесы, а не мюзиклы. Когда Чикаго был еще городом, а не мюзиклом. Когда играли «Пигмалион», а не «Мою прекрасную Мурку». Когда не было засилья...
- ГОРДОН. Мы как раз не по мюзиклам. Мы пьесы ставим.
- ВЕРНОН. Поэтому я здесь. Я вам и Глостера сыграю, и Ван Хельсинга, и любую роль в этом дурацком фарсе про тётку. Так что можете не ломать голову — актера искать не надо.
- ГОРДОН. Хмм... Вообще-то Ван Хельсинг и Глостер у нас в труппе имеются, их играет Ричфилд Хоксли... Может,

попробуете Корнуолла? (*протягивает текст*)

ВЕРНОН. Корнуолла?.. Освещение у вас тут неважноецкое...

ГОРДОН. Ну, почитайте по памяти.

ВЕРНОН. Наизусть? Как в школе-студии?

ГОРДОН. Ну, вы сами сказали, что тут темновато.

ВЕРНОН. Шутите? Прямо монолог? Прямо: «Быть иль не быть, вот, елки-палки, в чем вопрос ядерный»? Знаете, перезвоните моему агенту. Он пришлет все, что надо. Мне сегодня некогда. Был рад познакомиться. Нет-нет, не вставляйте... (*идет к выходу*)

СЮЗАННА. (*громким шепотом*) Он великолепен! Какая энергетика!

ГОРДОН. Как хоть его зовут?

*Вернон выходит. Свет меняется.
Сюзанна выходит, а Гордон берет в руки сотовый телефон.*

ГОРДОН. Барбара?.. Миссис ДеМартино? Это Гордон Пейдж... из «Балагана». Да... Совершенно верно... Пьеса называлась «Пер Гюнт»... Это были тролли... Ха-ха... троллицы и троллята... Уж простите... Что? «Звуки музыки»? Боюсь, альпийские дуга в нашем коровнике не уместятся... Ха-ха... А в «Пер Гюнте» это были фьорды... Нет, не форты... Нет, не «форды»... И не «кадиллаки». Нет же, это начало 19го века, машин еще не было. Фьорды — это такие заливы... узкие бухты... в Норвегии... Да, видел. Очень смешная пьеса. Не совсем в нашем стиле... На самом деле, я вот по каком поводу звоню... Маленький вопросик... Мы, к сожалению, не получили от вас взнос... чек... пожертвование... да-да, ваш ежегодный щедрый дар... А-а-а... Вот как? Нда... Понятно... «Пер Гюнт», значит... Вы полагаете?.. Нет-нет, мы больше не будем его ставить. Мы вообще Ибсена не будем ставить. Никогда. Ни за что. Клянусь. Никогда в жизни. Спасибо, миссис ДеМартино! Благодарю вас! Что?.. В этом сезоне?.. «Дракула», «Тётушка Чарли» и «Король Лир»... Отнюдь! Ничего депрессивного! Все пьесы очень веселые! Вдохновляющие!.. Ну что вы, разумеется!.. Поменять никогда не поздно!.. Шекспир, но не «Лир»? Любая пьеса? Но... Да... Понял вас... Нам очень, очень нужна ваша поддержка! Благодарю вас, миссис ДеМартино, мы так ценим... Миссис ДеМартино?! Барбара?..

ставили тем летом в Балагане. В овине славном, средь тенистых кленов...

СЮЗАННА. Что вы ставили — совершенно не важно. Важно — как!

ГОРДОН. Ну, пьеса — не последнее дело...

РИЧФИЛД. Детка, вы совершенно правы! Мадам Успенская говорила мне... я тогда был еще моложе вас... Так, что же она говорила?.. Не помню... Кстати, Гордон, роль-то я выучил! До последнего слова.

ДЕЙЗИ. Весь год зубрил!

РИЧФИЛД. И вызубрил! Да-да, черт побери! «Мы для богов — что для мальчишек мухи: Нас мучить — им забава».

ГОРДОН. (*в сторону*) Уй, блин... Что делать-то?

РИЧФИЛД. (*Сюзанне*) «Король Лир». Граф Глостер. Текст выучен назубок!

ГОРДОН. Ричфилд, старина, прости. У нас изменились планы. Ставим «Гамлета».

РИЧФИЛД. Мы не ставим «Лира»?!

ДЕЙЗИ. «Гамлета»?

РИЧФИЛД. Почему?

ГОРДОН. Барбара считает, что «Лир» чересчур депрессивен. К ним на гастроли приезжал Костя Богомолов. Кроме того... Пора мне взяться за сукина сына, Ричфилд, пора. И у нас появилась фантастическая Офелия.

ДЕЙЗИ. Уже нашли? А я?

ГОРДОН. Хмм... Дейзи, может, попробуешь Гертруду?

ДЕЙЗИ. Что дашь, то и попробую.

ГОРДОН. «О, что за дрянь я, что за подлый раб!..» Что я Гекубе, что тебе Гекуба?

РИЧФИЛД. Что ему Гекуба!

ГОРДОН. Что нам всем Гекуба...

РИЧФИЛД.

Пошел учить текст...

Свет меняется.

СЦЕНА 3

Труппа собирается.

Актеры и стажеры расставляют стулья, передвигают стол и рассаживаются широким полукругом. Гордон, заглянув в свои записи, обращается к присутствующим.

ГОРДОН. Так-так... Что у нас дальше?

САРА. Фуршет?

ГОРДОН. Рано еще. Так. Крэг. Слово тебе. Крэг наш... как нынче твоя должность называется? Ты ведь и швец и жнец...

КРЭГ. Исполнительный ответственный директор-администратор.

ГОРДОН. Во-о-от! И туалеты, и бюджеты! Все на нем! Прошу любить и жаловать! Без него в сортире не будет бумаги и мыла. И зарплату вам тоже он выписывает. *(хмыкает)* Но я подписываю.

КРЭГ. Очень смешно, Гордон. В своем репертуаре. Надеюсь, все вы понимаете, что я безумно рад вас видеть? Я сижу тут один-одинешенек всю зиму, пока Гордон ошивается в Нью-Йорке, ставит творческие эксперименты по чердакам и подвалам. А зима — она до-о-олгая.... Значит так, народ. Моя задача состоит в том, чтобы вы сами работали и у вас все работало. Надеюсь, вы будете следовать этим простейшим правилам *(раздает каждому по внушительной пачке листов со списком правил)* — и все у нас сложится хорошо. До конца лета как-нибудь дотянем. *(садится)*

ГОРДОН. У тебя все? Что ж, тогда...

КРЭГ. *(встает)* Я, пожалуй, коротко добавлю. По поводу канцелярских принадлежностей. *(Сара сдавленно хихикает.)* Я тут среди вас один. Я один работаю в офисе. У меня есть офисная техника и канцелярские

принадлежности. А у вас нет. Вы в офисе не работаете. Вы — кто на сцене, кто в зале, кто черт вас разберет где... И канцелярских принадлежностей у вас нет. Если бы вы работали со мной в офисе, у вас бы канцелярские принадлежности были. Но я в офисе один. И они мои. Если вы играете в театре «Балаган», это ни в коем разе не предполагает, что мои канцелярские принадлежности, то есть канцелярские принадлежности театра «Балаган», находятся в вашем распоряжении. Что у вас есть право ими пользоваться. У вас такого права ни в коем разе нет. У меня есть, а у вас ни в коем разе нет. Вот представьте: я человек, у меня есть карандаши и ручки. Вы тоже люди, и вам тоже нужны карандаши. А у вас их нет. Черт вас разберет, почему у вас их нет. У меня они есть. И я ими дорожу. Я точу свои карандаши. А вы — не точите. Я никогда не видел, чтобы вы точили карандаши. Почему? Черт вас разберет. Наверно потому, что у вас их нет. Вопрос в другом. Почему у меня вечно исчезают карандаши? Вот представьте: приходит Генри со счетом за десять метров ткани для фьордов. Мне надо занести все это в учетную книгу. А писать-то нечем! Спрашивается, почему? Это возмутительная ситуация. Надеюсь, вы поняли мой намек по поводу канцелярских принадлежностей. Уверен, вам предстоит замечательное, творческое лето. И если вам что-то понадобится...

РИЧФИЛД.

Кроме карандашей.

КРЭГ.

... не стесняйтесь, заходите. Мой офис — в дровяном сарае. *(садится)*

ГОРДОН.

Спасибо, Крэг. Я уверен, что...

САРА.

Крэг! У меня вопрос. *(Крэг встает)* Как нам поступить, если автомат съел монетку, а колу или спрайт не выдал? Какова процедура возвращения денег? *(Ричфилд, Генри, Гордон и Тайлер приглушенно ржут.)*

ВЕРНОН. *(Джеку)*

Чего они ржут-то?

КРЭГ.

Опять этот подлый автомат! Гордон! Я за него отвечать не намерен! Этим летом я сам по себе, а компания Кока-Кола и ее продукция — сама по себе. Этот автомат — кошмар! Суцее наказание на мою голову! Это мой крест! *(Сара безуспешно пытается подавить смехок.)* Я рад, что тебя это веселит, Сара, очень рад, поскольку лично мне ни капельки не смешно!

ГОРДОН.

Так, друзья мои. Тема закрыта. Больше ни слова —

ни про канцтовары, ни про автомат с кока-колой. И — всем добро пожаловать! Впереди у нас потрясающее... чудесное... блистательное лето. Напоследок — напутствие от старины Шекспира: «Произнесите монолог, прошу вас, как я вам его прочел, легким языком...» Еще одно, чуть не забыл: миссис ДеМартино шлет вам всем и особенно вам, Сюзанна, привет с Палм-Бич. Итак. «Произнесите монолог, прошу вас, как я вам его прочел, легким языком...» Тьфу, опять забыл. Разрешите представить вам наших стажеров, наших трудолюбивых помощников! Карма, Ян и Браун.

БРОУН. Броун.

ГОРДОН. Да-да, Браун.

БРОУН. Броун.

ГОРДОН. «Произнесите монолог, прошу вас, как я вам его прочел, легким языком... И не слишком пишите воздух руками, вот этак; но будьте во всем равны... сообразуйте действие с речью, речь с действием, причем особенно наблюдайте, чтобы не переступить простоты природы...»

ВЕРНОН. (*с трудом подавляя стон*) Господи прости...

ГОРДОН. Ну, а теперь — поднимем бокалы, содвинем их разом! (*все с шумом отодвигают стулья и направляются к столику с едой и напитками*) Соки там тоже есть, Сара, не токмо вино-пиво-водка. Итак, друзья мои — прекрасен наш союз! А этим летом мы узнаем, «что есть человек». Спасибо Вильяму нашему Шекспиру.

ВЕРНОН. Он всегда такой?

ДЖЕК. Какой «такой»?

ВЕРНОН. Да он вечно что-то цитирует невпопад. Придуривается. Клоун какой-то...

ДЖЕК. Не знаю. Я его вижу второй раз в жизни. Но по моему, он очень искренний человек.

ВЕРНОН. Искренний? Ну да. Тут не поспоришь.

ГЕНРИ. (*подходит к Гордону с текстом пьесы в руках, к ним присоединяется Крэг*) Гордон! Мне наконец попал в руки твой опус. «Дракул, властелин тьмы». Я в этом театре главный художник, я твой коллега и личный друг. Я

творческая личность, наконец! А ты съешь мне пьесу накануне репетиции! Спасибо, хоть не генеральной!

ГОРДОН. Ну, Генри, миленький, ну полистай, там все очень просто...

ГЕНРИ. Да я уж полистал, Гордон! Двадцать картин со сменой декораций, вампиры летают, кресты взрываются, туман напускается! У всех персонажей беспроводные микрофоны... И это только для упыря! А ты еще хочешь «Гамлета» и «Тётку» с поворотным кругом! Как прикажешь втиснуть их на сцену, если сцена размером с гулькин нос!

ГОРДОН. Генри! Ты же театральная душа! Сделай мне красиво, дешево и сердито! Думай!

ГЕНРИ. Думаю! Пока выходит только сердито.

КРЭГ. Пока выходит очень дорого.

ГОРДОН. Но прикиньте — ни единого фьорда! На одной драпировке сколько сэкономим.

ГЕНРИ. Какой у нас бюджет на этот год?

КРЭГ. (Гордону) Ты ему еще не сказал?

ГЕНРИ. О чем не сказал?

ГОРДОН. Ну... поменьше у нас бюджет...

ГЕНРИ. Что значит «поменьше»?

КРЭГ. Урезан на пятнадцать процентов.

ГЕНРИ. Гордон! Крэг!

ГОРДОН. Генри, сам понимаешь... прошлый сезон оказался... не самым удачным...

КРЭГ, ГОРДОН И ГЕНРИ. «Пер Гюнт»!

ГОРДОН. ...не пользовался бешеным успехом.

КРЭГ. И если в этом году мы не выйдем из минуса... придется прикрыть лавочку.

ГЕНРИ. Гордон, я лучше пойду витрины оформлять — меня в самых дорогих магазинах с руками оторвут.

ГОРДОН. Ну, Генри, родной, ты же мне друг! Сегодня за ночь придумаешь «Дракула», завтра ночью — «Тётку», а «Гамлета» между делом, за завтраком. Ты же творческая личность! Даже завидую!

ГЕНРИ И КРЭГ. Кому?

ТАЙЛЕР. Мери? Давайте знакомиться. Я Тайлер Тейлор. А вы, значит, будете моей Миной?

МЕРИ. Да-да! А вы — Дракула? Ух ты, здорово! И клыки будут и все прибамбасы?

ТАЙЛЕР. И все прибамбасы.

МЕРИ. Ну супер!

ТАЙЛЕР. Но меня больше занимает внутренний мир моего героя.

МЕРИ. Ну супер!

ТАЙЛЕР. Я хочу постигнуть душу вампира, почувствовать себя властелином тьмы.

МЕРИ. А я буду вашей жертвой! Ведь Мина предлагает себя Владу, верно? Приносит в жертву свою девственность!

ТАЙЛЕР. Интересная трактовка. Хотите бокал вина? (*бережно обнимает ее за плечи и направляет к столу с напитками.*)

РИЧФИЛД. Гордон!

ГОРДОН. Да, Ричфилд, слушаю вас.

РИЧФИЛД. Насчет вашей инсценировки «Дракулы»...

ГОРДОН. «Дракул, властелин тьмы».

РИЧФИЛД. Да, разумеется, «Дракул». Вы написали потрясающую пьесу.

ГОРДОН. Спасибо.

РИЧФИЛД. Знаете, я играл Ван Хельсинга пять раз...

ГОРДОН. Поэтому я и предложил вам эту роль. Вы быстро

выучите текст.

РИЧФИЛД. Вот тут есть проблема. В предыдущих инсценировках было две девушки, как в книге. Люси Вестнера и Мина Мюррей... А у вас только Мина.

ГОРДОН. Экономия — превыше всего.

РИЧФИЛД. Понимаю, понимаю... Но в предыдущих версиях молодых людей было трое: Артур Холмвуд, Джонатан Харкер и Джек Сьюард. А вы превратили Сьюарда в отца Мины, она теперь стала Мина Сьюард, Харкер — ее жених, а Люси и Артура нет и в помине. Я боюсь запутаться.

ГОРДОН. Ерунда, Ричфилд! Вы же гениальный актер! Всегда были, есть и будете! Разберетесь! *(отходит подальше от Ричфилда)*

САРА. *(проходя мимо Гордона)* Хорошая речь, Гордон. И Крэг как всегда, в ударе.

ГОРДОН. Да... все как всегда, верно?

САРА. Да, Гордон. Верно. Даже мой джин-тоник. Все, как всегда...

ГОРДОН. Сара...

САРА. Давай об этом не будем. *(уходит прочь)*

ГОРДОН. Сара!.. *(идет следом)*

ВЕРНОН. И это театр?! Поверить не могу!

ДЖЕК. Старинное здание, да?

ВЕРНОН. Старинное? Ветхозаветное! Ковчег!*(идет наполнять пустой стакан)*

РИЧФИЛД. Да, представьте... *(держит речь перед тремя стажерами)* Я начинал тут с мадам Успенской. Ученица самого Станиславского! Кто такой Станиславский? Вы слышали про Московский художественный театр? Я выходил на эти подмостки вместе с Китом Корнеллом, Хелен Хейс...

ДЕЙЗИ. С Альфредом Лантом...

- РИЧФИЛД. С Линн Фонтейн...
- КАРМА. А какие-нибудь реально известные актеры тут играли?
- ВЕРНОН. (*подруливает к Сюзанне, чуть позже к ним присоединяется Джек*) Хочу предупредить вас заранее! Я — не скоморох.
- СЮЗАННА. Отлично.
- ВЕРНОН. Меня не прельщают клоунада и фарс!
- СЮЗАННА. Я не считаю, что «Тётка» — фарс. (*уходит*)
- ДЖЕК. А что же? Трагедия?
- ВЕРНОН. Вот это уже интересно..
- ДЕЙЗИ. У нас бывал Торнтон Уайлдер.
- РИЧФИЛД. В спектакле «Наш городок» я играл Хови — да-да, на этой самой сцене. А помрежа играл сам автор, Торнтон Уайлдер...
- ЯН. А в этом году он приедет?
- РИЧФИЛД. Увы, юноша, мистер Уайлдер скончался... Полвека назад.
- СЮЗАННА. Мери, расскажите поподробнее про «Эпос о Гильгамеше»... ну, постановка, где вас насилуют боги. Мне хорошо знаком этот материал — я писала инсценировку, курсовую... Переделывала Эпос для чисто женского состава.
- ТАЙЛЕР. Простите, я принес моей партнерше бокал вина. Мери, согласитесь, ключ к роли Влада — осиновый кол!
- ГОРДОН. (*пробирается к Джеку*) Джек, я очень рад и, скажем так, приятно удивлен, что ты решил быть с нами в этом сезоне. Не ожидал, если честно.
- ДЖЕК. Ну, если честно... я решил, что провести тут лето будет очень клево.
- ГОРДОН. Не пожалеешь, обещаю. Ты в роли тётки! Зрители обхохочутся!
- ДЖЕК. Послушайте, Сюзанна только что сказала, что

«Тётка» — это не фарс. Вы тоже так...

САРА. (*громко*) В клинике я популярно объяснила, что алкоголик не может быть анонимным, что я — это я, а они могут идти на...

ГОРДОН. Боже. Прости, Джек, надо идти. Еще поговорим...

ВЕРНОН. Джек, ты всерьез? «Провести тут лето будет очень клево». Наигрываете, юноша.

ДЖЕК. Ну, на самом деле... Я, конечно, сюда не собирался. Но в Нью-Йорке меня за всю зиму и весну даже на прослушивание ни разу не позвали. И мне эти поиски работы... вот где. Бессмысленно все. Я подал документы в Колумбийский университет, на юридический.. И меня, как ни странно, приняли. В сентябре начинаю учиться. Вот, решил тут лето скоротать. Выйти на сцену напоследок.

ВЕРНОН. Значит, прощальная гастроль? Жаль у меня тридцать лет назад мозгов не хватило.

ДЖЕК. Да ладно, тут вроде весело...

ВЕРНОН. Весело? Еще бы! Мне пятьдесят пять лет, я больше тридцати лет на сцене, и моя единственная радость — нюхать навоз в этой комариной глуши. Повеселимся.

Свет меняется.

СЦЕНА 4

*На глазах у зрителей происходит перестановка:
труппа готовится к репетиции пьесы Гордона Пейджа
«Дракул, властелин тьмы»*

ДЕЙЗИ, СЮЗАННА И КАРМА. (*изображают трансильванских крестьянок*)
«Вролак, Покол, Ордог, влокослак, ордог...»

ГОРДОН. Стоп! Отлично! Начало хорошее. Двигаемся дальше. Времени у нас немного, попробуем прогнать всю первую сцену. Тайлер, с твоего появления. Без остановок.

ТАЙЛЕР. Мне уже не терпится выйти! Бью копытом!

ГОРДОН. Как только крестьянки скажут «Вролак, Покол,

Ордог...»

- ДЕЙЗИ. Гордон, ты ведь нам объяснишь, что означают наши причитания? Мы будем звучать убедительнее...
- ГОРДОН. Объясню. Непременно. Так, Тайлер... ты стоишь примерно вот здесь... свет меняется, и ты сразу... Джек, а ты стой вон там... окей?.. Поехали! С реплики «Добро пожаловать».
- ТАЙЛЕР. Гордон.
- ГОРДОН. Что?
- ТАЙЛЕР. Вопросик можно?...
- САРА. Не успели начать, уже тормозим.
- ГОРДОН. Что у тебя?
- ТАЙЛЕР. Как я сюда попадаю?
- ГОРДОН. Что значит «как»?
- ТАЙЛЕР. Ну, как я сюда пришел?
- ГОРДОН. Ногами.
- ТАЙЛЕР. Уже на свету? Или в темноте? Зритель меня видит?
- ГОРДОН. На свету.
- ТАЙЛЕР. Понял, спасибо.
- ГОРДОН. Отлично! Поехали!
- ТАЙЛЕР. А вот что означает в ремарке «как бы»?
- ГОРДОН. «Как бы»?
- ТАЙЛЕР. Он «как бы идет»...
- ГОРДОН. Да не как бы идет, а как бы от входной двери!
- ТАЙЛЕР. А-а-а... Я так и подумал.
- ГОРДОН. Отлично. Итак, Тайлер, ты появляешься — как бы идешь от входной двери в собственном доме. С текстом: «Добро пожаловать».

- ТАЙЛЕР. А давай покажем метаморфозу вурдалака?
- ГОРДОН. Это как?
- ТАЙЛЕР. Ну, чтобы я превращался на глазах у зрителя? Из одного обличья в другое...
- САРА. И как это технически сделать?
- ТАЙЛЕР. *(договаривает)* ...то есть из летучей мыши или волка — в человека?
- МЕРИ. Ну супер!
- САРА. Тайлер! Как это сделать?
- ТАЙЛЕР. Сыграть! Я актер, Сара!
- САРА. А-а-а... ну да...
- ГОРДОН. Тайлер, я не уверен...
- ТАЙЛЕР. Ну, Гордон, давай я покажу? Хотя я еще над этой метаморфозой не работал... еще не вполне вжился в образ... и обязательно нужна музыка...
- САРА. Хочешь, напою? Мотивчик превращения из «Доктора Джекилла и мистера Хайда»?
- ТАЙЛЕР. В общем, примерно так. *(сворачивается клубочком на полу, затем, хрюкая, стеной и постепенно меняя позы, «превращается» из зверя в человека)* «Добро пожаловать в мой скромный дом, господин Харкер, входите...» и так далее... Ну, что ты думаешь?
- САРА. Это был волк или летучая мышь?
- ТАЙЛЕР. Гордон?
- ДЖЕК. Выходит, я вижу, как он превращается?
- ТАЙЛЕР. Гордон?
- ДЖЕК. Что я, дурак, после этого к нему в дом идти?
- ТАЙЛЕР. *(Джеку)* Твоя актерская задача — оправдать это действие!
- ДЖЕК. Оправдать? Знакомьтесь: я — идиот. Вижу, как

вампир превращается в человека, и тут же сажусь с ним за стол!

ТАЙЛЕР. (*Саре*) Это был волк. Но если хочешь, я поработаю над летучей мышью.

САРА. Видала я эти превращения. На первом курсе учили.

ТАЙЛЕР. (*Джеку*) Может, ты что-нибудь уронишь? Отвлечешься и не заметишь превращения?

ДЖЕК. Что, например?

ТАЙЛЕР. Монетку. Или будешь капать капли в глаза?

ДЖЕК. А капли мне на что сдались?

ТАЙЛЕР. Джек, ты приехал из Англии. У тебя аллергия на трансильванскую пыльцу.

САРА. Тайлер, думаю, Гордон тебя поддержит. Он обожает такую туфту.

ТАЙЛЕР. А еще я могу одним взмахом руки очистить память Харкера. А он сыграет, будто у него кровоизлияние или микроинсульт. Схватится за голову...

ДЖЕК. Не хочу я хвататься за голову!

ТАЙЛЕР. Гордон? Ты-то что думаешь? Слово за тобой.

ГОРДОН. Тайлер, старина! Это замечательная идея! великолепная! Будь у нас побольше времени и... средств... мы непременно бы ее осуществили. Отличная задумка... но...

САРА. Но наша задача — отрепетировать до премьеры не только первую сцену. У нас конечно, Балаган, но не до такой же степени... Так что ответ — нет. Слышишь, Тайлер?

ГОРДОН. Ну хорошо! Поехали, Тайлер! Ты как бы идешь оттуда. Джек, ты — следом. «Вролак, Покол, Ордог...» Свет... — и «добро пожаловать»...

МЕРИ. Я знаю, как надо! Типа Харкер в колледже как раз изучал летучих мышей, и он от этого превращения тащится...

САРА. НИКАКИХ ПРЕВРАЩЕНИЙ! ПРОСТО МЕНЯЕТСЯ
СВЕТ!

ТАЙЛЕР/ДРАКУЛ «Добро пожаловать в мой дом, господин Харкер.
Входите по доброй воле!»

ДЖЕК/ХАРКЕР «Граф Дракула?»

ТАЙЛЕР/ДРАКУЛ «Он самый. Рад приветствовать вас в этом
скромном жилище. Располагайтесь, почувствуйте себя как
дома. Вы лучитесь счастьем! Так поделитесь этим вашим
светом!»

САРА. Вой волка.

ТАЙЛЕР. Подыграй же мне, Сара! Сыграй волка!

САРА. *(бесстрастно, но выразительно)* У-у-у-у-уууууу.

ТАЙЛЕР/ДРАКУЛ «Слушайте — то воют твари ночи, ласкают слух
мой». Можно вопрос?

ГОРДОН. Разумеется. Какой?

ТАЙЛЕР. Спасибо. Прости. Назрело много вопросов. В роль
вжиться надо, сам понимаешь.

ГОРДОН. Я понял, излагай.

ТАЙЛЕР. Где сам дом?

ГОРДОН. У тебя за спиной. Ну, представь старинное здание.
Годится?

ТАЙЛЕР. То есть, и дверь у меня за спиной?

ГОРДОН. Хочешь, представь, что дверь перед тобой. Так
легче?

ТАЙЛЕР. Может, лучше я буду стоять прямо в дверях, на
пороге? Распахну дверь перед Харкером? И первое, что
увидит зритель, будет моя рука, когтистая лапа, пусть она
медленно высовывается из-за двери...

МЕРИ. Прямо мурашки побёгли!

САРА. Вы разве играете в этой сцене?!

Мери пристыженно садится.

- ГОРДОН. Ну, попробуй этот финт с рукой на реплике «Добро пожаловать»... чтоб не подтормаживать...
- ТАЙЛЕР. Нет-нет, пантомиму надо сделать ДО текста. Это будет такое вступление, я намечаю психологический рисунок роли.
- ГОРДОН. Ну нам же надо двигать сюжет!
- САРА. Гордон! Двери на самом деле нет.
- ГОРДОН. Тайлер. Двери на самом деле нет.
- ТАЙЛЕР. Ты же сам сказал, что она у меня за спиной.
- ГОРДОН. За спиной у тебя дом.
- ТАЙЛЕР. А входная дверь — разве не часть дома?
- ГОРДОН. (*Сара, беспомощно*) Разве не часть?
- САРА. Дверь воображаемая.
- ГОРДОН. Дверь воображаемая.
- ТАЙЛЕР. То есть, двери не будет?
- ГОРДОН. Не будет.
- ТАЙЛЕР. А как прикажешь оправдать реплику «Добро пожаловать в мой дом», если нет двери?
- ГОРДОН. Хмм... видишь ли, у нас тут... театр... концепция открытого пространства... незамкнутости...
- ТАЙЛЕР. А чего не предупредил меня в Нью-Йорке? До подписания контракта? Ладно, проехали. Но раз я здесь, изволь объяснить, как говорить «Добро-пожаловать-в-мой-дом-господин-Харкер»? Как говорить без двери?
- САРА. Сыграй. Ты же актер. Или переутомился от метаморфоз?
- ГОРДОН. Тайлер, прости. Мы экономим. Генри решил, что дверь может быть условной.
- ТАЙЛЕР. Ага. Ясен пень. Я, актер, должен подстраиваться под декорации? Сценограф будет диктовать мне, актеру,

который находится один на один со зрителем...

ДЖЕК. Ну я еще тут затесался... с глазными каплями...

ТАЙЛЕР. ...как мне играть? Как выворачивать, блин, душу наизнанку перед залом на двести человек?

ГОРДОН. Ну, можно сделать драпировку... обозначить дверь тканью... Генри!

САРА. Тайлер! Двери нет и не будет. Хочешь дверь — сыграй ее.

ТАЙЛЕР.

Свет меняется.

Стажеры меняют декорации:

*теперь здесь будут репетировать «Здравствуйте, я ваша тётя».
Перестановка происходит на фоне следующего разговора.*

СЦЕНА 5

Генри, Гордон, Крэг и Сара изучают какой-то юридический документ. В руках у Генри шляпная коробка.

ГЕНРИ. Неужели это правда?

КРЭГ. Чистая правда.

ГОРДОН. Да не может такого быть!

САРА. Бред какой-то.

ГОРДОН. То есть, это — реквизит?

КРЭГ. Так указано в завещании.

САРА. Бред и ужас.

КРЭГ. Это прислал адвокат. Параграф 7, пункт А. «Мой череп необходимо сохранить и использовать в качестве черепа шута Йорика, если/когда театр “Балаган” будет ставить спектакль по пьесе “Гамлет” Уильяма Шекспира». Параграф 7, пункт Б. «Вышеуказанное является условием, на котором я оставляю принадлежащий мне по праву собственности театр “Балаган” в наследство ООО “Театр Балаган”. Такова последняя воля нашей основательницы, Этель Барнс Стайн. Так что мы обязаны играть «Гамлета» с ее черепом.

САРА. Бред. Ужас. Кошмар.

ГЕНРИ. По-моему, круто.

ГОРДОН. Неужели нет другого выхода?

КРЭГ. Есть. Можно отказаться от театра, который оставлен нам в наследство.

ГОРДОН. Видимо, она очень хотела поставить «Гамлета»...

САРА. Или наоборот: хотела, чтобы в ее театре никогда не ставили «Гамлета».

ГЕНРИ. Не забудь Ричфилду сказать. Он играет могильщика.
(передает Крэгу шляпную коробку)

КРЭГ. Ну как я ему скажу? Он и Дейзи знали ее лично! Ты скажи! (передает коробку Гордону)

ГОРДОН. Я?! Ну уж нет. Это не творческий, а чисто технический момент. Сара! Ты скажи! (передает коробку Саре)

САРА. Забирай ее, Генри. Это реквизит. Значит — по твоей части. (передает коробку Генри)

ГЕНРИ. Кайф! (выходит)

Площадка тем временем преобразилась для сцены чаепития из второго акта «Здравствуйте, я ваша тётя». Бабса играет Джек. На нем репетиционная рубаха и парик.

СЦЕНА 6

БРОУН/БРАССЕТ ("Входит" с чайным сервизом.) Чай подан, сэр.

ТАЙЛЕР/ДЖЕК. Кто будет разливать? Бабс, чай!

ДЖЕК/БАБС. Ну, что из этого? (выходит из образа) Так... это что? Пошла сцена про чай в шляпе? Ага?

САРА. Ага.

- ДЖЕК. А где же... Где Сюзанна? Где режиссер?
- САРА. Она сказала, что постановочные репетиции — дело скучное. Мальчики, она хочет, чтобы вы тут сами все придумали, а она потом зайдет, подправит.
- ДЖЕК. Вы шутите, да?
- РИЧФИЛД. Сами так сами! Юмор тут, как мне помнится, незамысловатый, но выходит очень эффектно. Публика обожает это место. Вы, конечно, знаете, Бабс здесь как раз переодевается и прикидывается “тетушкой Чарли из Бразилии”, чтобы во время свидания молодых людей с их возлюбленными присутствовала дама, уж так положено. А настоящая тетка не смогла приехать вовремя. Потом тетка все же появляется, но никто не знает, что это — она. Таким образом, Бабс продолжает маскарад. Теперь, Тайлер, ты ведь играешь Джека? Держи чашки. Бабс наливает. В какой-то момент ты передвигаешь чашки с положенного места, и чай льется в шляпу. Оба ничего не замечают, внимание занято чем-то другим. Бабс реагирует только после того, как в шляпе окажется три чашки чая. *(Реагирует — изображает Бабса)* Смех в зале. Джек видит это и тоже реагирует. *(Реагирует — изображает Джека)* Хохот в зале. Потом я замечаю. Тоже реагирую. *(Реагирует.)* Гомерический хохот в зале. В сущности, зал лежит.
- ДЖЕК. Надо в определенном ритме делать, да? По реплике на чашку?
- РИЧФИЛД. Bravo! Мальчик, у тебя нюх на эффектные мизансцены!
- ТАЙЛЕР. Я протяну первые две чашки на реплике: “Так мы все пьем чай?”
- ДЖЕК. И я сначала налью нормально, в чашки, чтобы потом, на контрасте, стало веселее.
- ТАЙЛЕР. Я отдам чашки Мери.
- МЕРИ. А я передам Эми, то есть Карме... имя такое крутецкое — Карма! А вторую чашку — Яну, который у нас Чарли. Погодите, и он Чарли, и тетка Чарли? Я запуталась...
- ДЖЕК. И ровно через такой же промежуток времени ты

убираешь чашки, а я лью, но чашек нет. Чай в шляпе.

ВЕРНОН. И предполагается, что это забавно?

РИЧФИЛД. Это — фарс.

ВЕРНОН. Ненавижу фарс.

ДЖЕК. Мери! Тетку зовут не Чарли. Она тетка Чарли — вот его тетка (*указывает на Яна/Чарли*) — его зовут Чарли. Ну что хватит разговоров, попробуем ножками?

РИЧФИЛД. Вот это верно, чутье никогда не подведет. Главное связаться в бой, а там посмотрим. Обожаю антерпризу!

ГЕНРИ. (*проходя мимо*) У нас репертуарный театр.

РИЧФИЛД. Серьезно?

ГЕНРИ. Серьезнее некуда.

САРА. Ладно, поехали. “Здравствуйте, я тетя Чарли из Бразилии, где в лесах много-много диких обезьян”. О, смотрите, кто к нам пришел! Сюзанна.

СЮЗАННА. У вас уже есть, что мне показать?

РИЧФИЛД. У нас всегда есть, что показать.

ДЕЙЗИ. Хотите чаепитие?

СЮЗАННА. Попить чаю? Я не прочь. Угощайте!

ГОРДОН. (*входит со шляпной коробкой, вокруг которой был сыр-бор в предыдущей сцене.*) Кто-нибудь видел Генри? А, у вас тут чайная сцена? Я посмотрю.

САРА. Да! Мы сейчас нальем всем чаю — уж куда придется — и сделаем “Здравствуйте, я тетя Чарли...”

ДЖЕК/БАБС. Здравствуйте, я — тетя Чарли из Бразилии, где в лесах много-много диких обезьян.

И они играют сцену поразительно хорошо: остро, слаженно, убедительно и очень смешно. Намного лучше, чем можно было ожидать на, в сущности, первой репетиции. Но так иногда случается.

ДЕЙЗИ/ДОННА РОЗА. Здравствуйте! Как я рада! Какая приятная встреча!

ДЖЕК/БАБС. В самом деле?

ДЕЙЗИ/ДОННА РОЗА. Мы с вашим покойным мужем долгие годы были большими друзьями!

ЯН/ЧАРЛИ. Вы куда, Бабс?

ДЖЕК/БАБС. Мы пропали! Она знает моего бразильского мужа!

ТАЙЛЕР/ДЖЕК. *(входит)* Ну, как? Все в порядке?

ДЖЕК/БАБС. Нет! Не в порядке! Она знает моего бразильского мужа!

ТАЙЛЕР/ДЖЕК. *(понижив голос)* Черт бы побрал эту бразильскую дуру! Постарайтесь поменьше болтать.

БРОУН/БРАССЕТ. *(входит с чайным подносом)* Сэр, кто будет разливать чай?

ТАЙЛЕР/ДЖЕК. *(подсказывает Бабсу)* Кто же, как не я, самая старшая из присутствующих здесь дам! Бабс, чай!

ДЖЕК/БАБС. Ну, что из этого?

ТАЙЛЕР/ДЖЕК. *(шипит)* Ты должен его разливать. *(громко)* Кто будет разливать чай?

ДЖЕК/БАБС. О, конечно я! Самая старшая из присутствующих здесь дам!

МЕРИ/КИТТИ. *(обращается к Бабсу)* Можно я вам помогу, донна Роза?

РИЧФИЛД/КРИГС. Какая жестокость! Зачем нас прервали?! Мы были так близки к... к...

ДЖЕК/БАБС. Всем наливать? *(Наливает две чашки. Мери/Китти разносит чай. ТАЙЛЕР/Джек подставляет чашки, чтобы Бабс налил еще. Держит он их над шляпой.)*

ДЕЙЗИ/ДОННА РОЗА. Когда вы приехали в Англию, донна Роза?

Бабс растерянно смотрит на Джека.

ТАЙЛЕР/ДЖЕК. Советую переменить тему. *(Он говорит это на ухо Бабсу и одновременно отодвигает чашки.)*

ДЖЕК/БАБС. Советую переменить тему! *(Обращается к Донне)*

Розе и одновременно льет чай в шляпу.)

ТАЙЛЕР/ДЖЕК. *(подсказывает)* Узнай, не хочет ли кто сахару или сливок? *(Джек снова помещает чашки над шляпой.)*

ДЖЕК/БАБС. А кто не хочет сахару или сливок? *(Бабс обращается к донне Розе. На слове "кто" Джек отодвигает чашки и Бабс льет в шляпу.)*

ДЕЙЗИ/ДОННА РОЗА. Наверно вы пролили много слез, потеряв бедного дона Педро?

ДЖЕК/БАБС. Дона Педро? А кто это?

ТАЙЛЕР/ДЖЕК. Срочно меняй тему. Спроси, не хочет ли она сахару или сливок. *(снова помещает чашки над шляпой)*

ДЕЙЗИ/ДОННА РОЗА. Вы не знаете имени собственного мужа?

ДЖЕК/БАБС. Ах, мужа! Ну конечно! Это был такой мужчина! Это что-то! *(Льет в шляпу, мимо чашек.)* Я до сих пор плачу, вспоминая о нем. Ух, какой мужчина! Правда немножко любил выпить...

ДЕЙЗИ/ДОННА РОЗА. Дон Педро никогда не притрагивался к спиртному!

ДЖЕК/БАБС. Да? Что-то я стала такая рассеянная... такая рассеянная... *(залпом выпивает бокал вина)*

РИЧФИЛД/КРИГС. Она любит выпить. Этим надо воспользоваться! Донна Роза! Я хочу сахара и сливок! *(Бабс первым замечает чай в шляпе, затем Джек, затем Кригс.)* Моя шляпа! Моя шляпа!

ДЖЕК/БАБС. Сию минуту!

Бабс льет сливки в шляпу, добавляет сахар, размешивает, выливает смесь назад в заварной чайник, вручает шляпу Кригсу, постукивая по шляпе, отчего в глаза Кригсу летят брызги. Кригс отшатывается...

ДЖЕК/БАБС. А давайте закурим! По-нашему, по-бразильски!

Пока идет эта сцена Гордон и Сара смеются, а потом хохочут в голос. Смеется даже Вернон — сначала неохотно, потом все громче и искреннее. В конце сцены все аплодируют.

ГОРДОН. Замечательно. Потрясающе. Восторг! Ох, народ, вы даете! С чаем — вообще умора!

- РИЧФИЛД. Да, это клоунада-буфф.
- ГОРДОН. Гениально. Сюзанна, ну, если честно... я в тебе сомневался... все эти бассейны... умопостроения... Но теперь я вижу, ты — режиссер. Настоящий режиссер. Ты владеешь театральным языком!
- СЮЗАННА. Я много думала об этой сцене. Это основной эпизод, где раскрывается характер Бабса. Мужчина, переодевшийся в женщину! Он пытается быть чем-то или кем-то, кем вовсе не является, и вдруг встречается с ней, объектом своих превращений, с той самой женщиной. Причем в ситуации, когда ставки высоки. Вопрос — и ответить на него можете только вы, Бабс. Действительно ли ваш персонаж, то есть вы — трансвестит? Или вы просто любите переодеваться? Понять это жизненно важно. От этого зависит решение всей сцены. Что скажете?
- ДЖЕК. Я скажу, что мы играем фарс. Причем написан он в девятнадцатом веке. По-моему, надо просто сделать смешно? Гордон, а вы как думаете?
- ГОРДОН. Согласен. Мужчина в платье — это всегда смешно.
- СЮЗАННА. А если под платьем мятущаяся, страдающая душа?
- ГОРДОН. Я носил платье. Не в смысле Я, лично Я не носил, но я эту роль играл. Ричфилд видел моего Бабса. Помните, Ричфилд?
- РИЧФИЛД. Прекрасный Бабс. Совершенно уморительный.
- СЮЗАННА. Тогда вы оба понимаете, что в сердцевине этого образа — мучительный поиск, гендерное самоопределение. Пол — как клетка, из которой надо вырваться. Эту тему надо разработать. И я бы хотела вставить в эту сцену, в самый ключевой момент, такой звук... фонограмму из «Дракулы». Там где зловеще воют собаки. Для дворецкого этот звук будет сигналом на выход с чаем. Понятно? Вы выходите на вой собак? Думаю, этот вой отразит гендерный кризис, внутренние муки героя, его гнев.
- ГОРДОН. Муки и гнев? Валяйте! Только чтобы было смешно.
- Сюзанна направляется к Броуну. Гордон собирается уйти.*
- САРА. Гордон...

- ГОРДОН. Мне надо поговорить с Генри.
- САРА. Сбегаешь!? Хоть понимаешь что тут сейчас нач...
- ГОРДОН. Генри! (*выходит*)
- МЕРИ. Знаете, Сюзанна, когда вы только что говорили о внутренних муках и гневe, мне это очень напомнило ту сцену в Эпосе о Гильгамеше, где я предлагаю себя богам. Боги-то там тоже, типа мучились... прям раздирало их. Плющило нипадеццки. Вот, думаю, отчего? Вы говорите, этот... гендерный кризис? А я думаю, тут чё-то другое... На них же не было ваще никакой одежды. И на мне тоже... так что с гендерАми все было ясно.
- ТАЙЛЕР. Эх, жаль я пропустил это шоу.
- СЮЗАННА. Так, ладно. Прежде, чем мы вернемся к тексту, я хочу прозондировать эту сцену посредством физической импровизации.
- МЕРИ. Ну супер!
- ДЕЙЗИ. Бог ты мой.
- ДЖЕК, ВЕРНОН, ТАЙЛЕР, САРА и РИЧФИЛД. Бли-и-ин.
- СЮЗАННА. Давайте разберемся, действительно ли это чаепитие? Быть может, это древний ритуал, кормление как символ вечного плодородия? Я хочу проникнуть в суть этого примитивного ритуала... представьте, что все вы — звери в африканской саванне и приходите в сумерках на водопой. Мери и Карма, представьте, что вы... газели.
- МЕРИ. Ну супер.
- КАРМА. Круть.
- СЮЗАННА. Вернон, а вы...
- ВЕРНОН. Если уж я должен участвовать в этом издевательстве, буду крокодилом, буду подстерегать зверей у кромки воды.
- СЮЗАННА. Превосходно. Ричфилд и Дейзи: стареющие лев и львица.
- ДЕЙЗИ. Стареющие?

- СЮЗАННА. А Джек, Тайлер и Ян... стайка молодых орангутангов. Джек, вы конечно знаете, что орангутанги от природы бисексуальны?
- ДЖЕК. Нет, я не знал.
- ТАЙЛЕР. Мой орангутанг не бисексуал. Ясен перец? Ваши орангутанги мне по барабану, а мой орангутанг абсолютно гетеросексуален. Всем ясен перец?
- СЮЗАННА. Ну, хорошо. Итак: сумерки, водопой...
- БРОУН. А я кто?
- СЮЗАННА. А кем вы хотите быть?
- БРОУН. Дворецким?
- СЮЗАННА. Гну. Могучая антилопа гну!
- БРОУН. Я не знаю, как быть гну.
- СЮЗАННА. Именно поэтому нам необходимо симпровизировать эту сцену.
- БРОУН. Извините.
- СЮЗАННА. Итак: сумерки, водопой...
- КАРМА. Простите...
- СЮЗАННА. Да? Что?
- КАРМА. Вы хотите, чтобы мы... звуки газели издавали?
- СЮЗАННА. Конечно.
- КАРМА. А какие у них звуки?
- МЕРИ. Они ржут?
- КАРМА. Ржут? (*Мери ржет на пробу*) Круть.
- СЮЗАННА. Итак, усталое солнце ушло за горизонт, оставив сухую, раскаленную африканскую равнину в полумраке. Две ловких газели осторожно приближаются к месту водопоя, к водоему, в котором с каждым днем становится все меньше и меньше воды... (*Газели изображают то,*

что предлагает Сюзанна.) Давайте же! Все на водопой! (Все начинают изображать животных с различной степенью энтузиазма.) Да-да, правильно, Лев и Львица... гордая охотница... и беззубый старый альфа-самец, вожак стаи...

РИЧФИЛД. Беззубый...?

СЮЗАННА. Оставайтесь в этом... образном пузыре. Он наполнен содержанием... смыслом... Берегите свой пузырь...

РИЧФИЛД. По-моему, мой пузырь лопнул. Я его прокусил. Собственными зубами.

ДЕЙЗИ. Ричфилд.

РИЧФИЛД. Она обозвала меня беззубым.

СЮЗАННА. Орангутанги, вперед! Вы тоже пришли пить... Да-да, так! Вот именно. Вот именно. И гну, теперь ваш черед... *(обращается к Броуну, который топчется на месте, не понимая, чего от него хотят.)*

БРОУН. Чай подан, сэ! *(Все останавливаются.)*

СЮЗАННА. Не надо текста, гну! Никакого текста! Никогда никакого текста!!! Теперь восстанавливайте свои пузыри. *(демонстрирует, как надо восстанавливать образный пузырь)* Восстанавливайте их бережно! Джек, что чувствует молодой примат, придя на водопой? Вокруг другие животные, а ты мечешься в поисках смысла, в поисках гендера, в поисках смысла своего гендера... Найдите сердцевину образа через дыхание. Теперь вдохните образ в воображаемый пузырь... чувствуете? Чувствуете, как он наполняется? Наполняйте пузырь, наполняйте... Теперь... чаепитие в саванне — вскрывайте самую суть, не стесняйтесь... *(Актеры начинают импровизировать.)* Да, да... хорошо... так...

ГОРДОН. *(входит с Генри и Крэгом.)* Мой Бог! Что они делают?

КРЭГ. Это оргия?

КАРМА. А-а! Меня укусил аллигатор!

ВЕРНОН. А нечего подходить так близко к воде! Это вам Африка, а не фунт изюма. А я — не какой-нибудь толстожопый ленивый аллигатор из устья Миссисипи! Я — африканский крокодил!

ДЖЕК. А я кто? Сюзанна, я пока не определился. Может я и трансвестит. А может просто люблю переодеваться. В любом случае, я меньше чем через два месяца начинаю учиться на юриста. *(дает юбке соскользнуть на пол, выпрастывает сначала одну ногу, потом другую.)*

СЮЗАННА. Джек, вы подали мне замечательную идею. Генри! Хорошо, что вы здесь. Я хочу изменить костюм Бабса. На правой стороне будет платье. А слева брюки. Когда он повернется к зрителю правым боком, в платье, все увидят, что он — женщина, когда левым — мужчина. Когда он выйдет на авансцену, зритель увидит — и что еще важнее, поймет — двойственность этого образа. Это, безусловно, опасное решение, но я думаю, Джек справится, он прирожденный актер...

ДЖЕК. Или юрист...

СЮЗАННА. ... и сможет воплотить мой замысел.

САРА. Так: три-два-один! Время! Репетиция окончена! Спасибо, Гильдия актеров! Мой профсоюз меня бережет. И к черту воздержание. Сегодня — первый день остатка моей жизни. И заодно первая рюмка. *(Меняется свет. Во время следующей сцены стажеры делают перестановку — готовят пространство для репетиции альковной сцены из «Дракула, властелина тьмы».)*

СЦЕНА 7

КРЭГ. *(входит с несколькими упаковками кока-колы)* Гордон!

ГОРДОН. Да, Крэг.

КРЭГ. Мне надо с тобой поговорить.

ГОРДОН. О чем?

КРЭГ. О карандашах. И есть еще один вопрос. Но сначала о карандашах. Почему помреж требует на каждую репетицию полный набор карандашей? Мы еще ни одной премьеры не сыграли, а художественно-постановочная часть уже выбрала у меня три с половиной упаковки карандашей. Это, по-твоему, нормально?

- ГОРДОН. Сколько карандашей в одной упаковке?
- КРЭГ. Сто сорок четыре.
- ГОРДОН. Три упаковки? Это — ... трижды четыре...
- КРЭГ. 432 плюс еще полупакетки. Пятьсот четыре.
- ГОРДОН. Ничего себе. Это же уйма карандашей.
- КРЭГ. Да. "Ничего себе". Да, "уйма". И у меня есть идея.
- ГОРДОН. Хорошо, Крэг, мне сейчас надо...
- КРЭГ. Сара выдаст каждому актеру один единственный карандаш. И надпишет его, ну — можно на бумажке и скотчем прилепит. Хотя бы инициалы актера. Когда длина каждого выданного карандаша уменьшится — путем его использования по назначению! — до шести сантиметров, так что им уже будет трудно писать, — актер возвратит карандаш помрежу и получит новый.
- ГОРДОН. Это хорошая мысль...
- КРЭГ. Это еще не все. Исписанными карандашами я буду пользоваться сам, у себя в офисе, благо у меня маленькая рука. Это моя жертва во имя театра. Ну, а совсем огрызки я отдам художнику, для декораций, он может размечать ими картон и ткань, когда будет пилить и резать. Таким образом, я устраняю лишний расход на новые карандаши и экономия бюджета по этой статье составит...
- ГОРДОН. Крэг, дружище, это — превосходная идея. Мне срочно нужно бежать, репетиция...
- КРЭГ. Гордон! Второй вопрос! Мы так и не получили чек от миссис ДеМартино.
- ГОРДОН. Я же звонил ей! Пару месяцев назад.
- КРЭГ. Придется опять звонить.
- ГОРДОН. О, нет!
- КРЭГ. Звони! А то наши финансы... поют романсы.

*Свет меняется.
На репетиционной площадке Тайлер надевает плащ.*

Входит Мери.

СЦЕНА 8

ТАЙЛЕР. Эй! Доброе утро! *(Звучит он непривычно, поскольку успел вставить вампирьи клыки.)*

МЕРИ. Доброе утро! Так мы сейчас Дракулу репетируем? А точно не Гамлета? И не Тетушку Чарли? Что-то у меня крыша едет.

ТАЙЛЕР. Дракулу.

РИЧФИЛД. Да-да, Дракулу. *(в роли Ван Хельсинга)* "Итак, барышня, вы прекрасная Люси, невеста нашего доброго господина Холмвуда, дочь любезной госпожи Вестенра".

МЕРИ. Неа... Мина. Невеста господина Харкера. Дочь любезного доктора Сьюарда.

РИЧФИЛД. Мина! Бог ты мой. *(садится в сторонку — изучать текст пьесы)*

ТАЙЛЕР. Хочешь, пройдем текст нашей двойной сцены до репетиции?

МЕРИ. Какой текст? В нашей сцене у меня нет ни строчки. Я просто лежу там распростертая, а вы говорите, что я теперь "плоть от плоти вашей... кровь от крови вашей..." и когда ваш этот, разум повелит, я должна типа прийти к вам навсегда... Ну и присасывается к моей шее.

ТАЙЛЕР. Да. Хочешь порепетируем?

МЕРИ. Вы такой прилежный. Всегда хотите репетировать... эту сцену.

ТАЙЛЕР. Ну, Мери, это и называется истинный профессионализм... "Во всем мне хочется дойти до самой сути. В работе, в поисках пути, в сердечной смуте..." Ложись-ка на кровать... "О, если бы я только мог, хотя отчасти, я написал бы восемь строк о свойствах страсти". «Скрепим же наш союз!» *(Вонзает клыки ей в шею, она неудержимо хихикает.)*

МЕРИ. Щекотно...! И слова такие красивые... А можно я спрошу? Вы ведь это, взаправду классный актер. Даже с такими зубами умеете четко разговаривать. Чё вы тут-то торчите? Почему не на Бродвее?

ВЕРНОН. (*входит и слышит вопрос Мери.*) Ты хочешь знать, почему он не на Бродвее? Я тебе отвечу!

ТАЙЛЕР. Вернон...

ВЕРНОН. На территории города Нью-Йорка с пригородами проживают двадцать тысяч актеров, и примерно двести из них в настоящее время работают на Бродвее. Кто такие? У большинства из них голосовые связки — по прихоти природы — сделаны из особого титанового сплава, так чтобы восемь раз в неделю хрустальные люстры аж дребезжали от их голосов. Помимо мюзиклов на Бродвее идет один не-музыкальный спектакль, импорт из Лондона, с шестью — так, раз-два-три-четыре-пять-шесть — да с шестью дублерами-американцами. Такова конкуренция. Очевидно, что без вмешательства дикой удачи, а вероятность такого вмешательства стремится к нулю, ни Тайлеру Тейлору, ни Вернону Волкеру в ближайшем будущем не светит такая метаморфоза. Бродвейскими звездами нам не стать. Что ж, можно остаться в Нью-Йорке и работать в одном из престижных не-бродвейских театров, преданных идеалам высокого искусства и низкой зарплаты. Да, можно работать там за гроши — и то при условии, что тебе опять-таки улыбнется удача или, например, у тебя есть агент, который спит с ассистентом режиссера, которая к тому же имеет шурина, женатого на продюсере. Какие еще варианты? Ну, если актер готов оставить жену, детей и кошку и уехать в...

ТАЙЛЕР. Я не женат.

ВЕРНОН. Хорошо, не жену, а насиженное место у барной стойки — актер может уехать в провинцию и зарабатывать побольше. Жить на чемоданах, мотаться из Сент-Луиса в Цинциннати, из Солт-Лейк-Сити в Сиу-Сити — знаете такую дыру в штате Айова? Или, упаси боже, можно провести лето в этом «Балагане», в сарае без кондиционера, в летнем театре под кодовым названием «Дахау»! ИЛИ! Актер может остаться в Нью-Йорке, выбрать себе нормальную человеческую работу... стать официантом, барменом, заводной игрушкой ??, оказывать секс услуги по телефону — зарабатывать втрое, вчетверо, в десять раз больше, да еще иметь время на простые житейские радости. Но тогда... тогда мы бы не выходили

на сцену... А как же мы без нее?

Свет меняется. Все выходят.

СЦЕНА 9

Поздний вечер.

Входит Гордон, включает дежурный свет.

ГОРДОН.

О, если б ты, моя тугая плоть,
Могла растаять, сгинуть, испариться! О, если бы
предвечный не занес В грехи самоубийство! Боже!
Боже! Каким ничтожным, плоским и тупым
Мне кажется весь свет в своих стремленьях!

Ка-ким ничтожжжжжжным, плосссским и тупыыым
мне кажется весь свет в своих стрррремленьях!

САРА. *(из тени, из глубины сарая)* Что правда, то правда.

ГОРДОН. Сара? Ты?

САРА. Кто ж еще? Тень отца Гамлета?

ГОРДОН. Вот решил порепетировать немножко. Пора уже.

САРА. А я-то все думаю: со всеми репетируешь, а свои куски перепрыгиваешь... Как же так?

ГОРДОН. Ну, я хочу сначала запустить все процессы, выстроить все... Кроме того, это не моя роль, я по возрасту уже не Гамлет. Присматриваюсь к Джеку, он, в сущности, ровесник Гамлета... Или даже Тайлер? Только думаю...

САРА. Старый, значит? Между прочим, Берримор играл Гамлета ровно в твоём возрасте. А Саре Бернар вообще было за шестьдесят. Старая, с деревянной ногой, сиськи вместо... Ой, не так, извини, нетрадиционного пола. Теперь верно? Нет? Иного гендера? В общем, Сюзанне наверняка бы понравилось. Кстати, надо обсудить эту ее идею с костюмом Бабса...

ГОРДОН. *(погружен в своего Гамлета)* Ну, как вообще?

САРА. Вообще? Очень хорошо. Мощно.

- ГОРДОН. Нет, не хорошо. Не мощно.
- САРА. Ну, как скажешь. Значит, не мощно.
- ГОРДОН. Ты слышала, что Джек хочет бросить театр? На юриста учиться идет... С осени...
- САРА. Да. И что?
- ГОРДОН. Что-то я так расстроился...
- САРА. Тебе-то что?
- ГОРДОН. Я привел его в труппу. Я его работодатель.
- САРА. И он выполняет работу, которую ты ему дал. И очень неплохо выполняет.
- ГОРДОН. Конечно, неплохо. Отлично, на самом деле. Потому и волнуюсь.
- САРА. А-а, уже волнуешься? Не расстраиваешься?
- ГОРДОН. Черт! И расстраиваюсь, и волнуюсь. А почему — сам не знаю.
- САРА. Потому, что когда такой актер, как Джек, бросает театр... актер с бешеным потенциалом... с талантом, которого, возможно, ни у кого из нас и близко нет и не было... все остальные должны, обязаны волноваться. Да. Обязаны. Потому что его выбор ставит под сомнение наш выбор. Мы поневоле задумываемся: выбор ли это? Или мы просто всю жизнь плыли по течению? Его выбор ставит под сомнение всю нашу жизнь. Мы не за Джека волнуемся. Мы волнуемся только за себя.
- ГОРДОН. Ну почему ты такая умная?.. Это же вредно для здоровья, сама знаешь...
- САРА. Знаю, как же не знать. Но это отличная причина выпить.
- ГОРДОН. Что это у тебя?
- САРА. Немного джина. Много тоника и льда.
- ГОРДОН. Тебе точно можно? Ничего?

САРА. А когда-то мы пили вместе. И тебе нравилось. И было весело.

ГОРДОН. Да, было весело. Но потом ты начала пить одна. Хотя мы пили вместе.

САРА. (*перекрывает его реплику*) ... хотя мы пили вместе...

ГОРДОН. Тебе не многовато?

САРА. В самый раз.

ГОРДОН. Ты рада, что снова здесь?

САРА. Рада? Обычное лето в «Балагане». Комары размером с воробьев. Жара, духота, влажность — пот градом. Актеры как актеры... Кстати, откуда ты взял этого Вернона? Актерское агентство для неизлечимо озлобленных? Генри и Крэг, каждый в своем репертуаре. А Гордон Пейдж... Он и есть Гордон Пейдж. Слушай, посидел бы ты на репетиции «Тётки»? Ситуация выходит из-под контроля.

ГОРДОН. Знаю.

САРА. Так что... очередной сезон в «Балагане». Я дома. Спасибо, Гордон.

ГОРДОН. Не за что.

САРА. А новенькие знают?

ГОРДОН. Ну, Тайлер, Ричфилд и Дейзи их наверняка просветили.

САРА. Наверняка... Сплетен тут роится больше, чем комаров. Прочитай монолог еще раз. Я не буду прерывать, обещаю. Только не раскатывай — дикция у тебя отличная и голоса хватает. Говори просто и тихо... как когда-то... когда нам было по двадцать пять лет и ты так мечтал сыграть эту роль... Ты читал мне эти монологи в постели... а потом мы выключали свет.

ГОРДОН. «Недавно, не знаю почему, я потерял всю свою веселость и привычку к занятиям. Мне так не по себе, что этот цветник мирозданья, земля, кажется мне бесплодной скалою, а этот необъятный шатер воздуха с неприступно вознесшейся твердью, этот, видите ли, царственный свод, выложенный золотою искрой, на мой взгляд — просто-

напросто скопление вонючих и вредных паров. Какое чудо природы человек! Как благородно рассуждает! С какими безграничными способностями! Как точен и поразителен по складу и движениям! Поступками как близок к ангелам! Почти равен богу — разумением! Краса вселенной! Венец всего живущего! А что мне эта квинтэссенция праха?» *(умолкает; Сара тихонько плачет.)* “Но смолкни, сердце, скован мой язык!”.

Свет гаснет.

Действие второе

Сцена 1

ГОРДОН. *(в сарае, говорит по мобильному телефону)* Миссис ДеМартино, я и сам затрудняюсь объяснить, что это за наряд... Ха-ха... Вот именно. С одного боку мужской, с другого женский. Ха-ха... Да... То есть, нет, не смешно, получилось совершенно не смешно... Нет, играет эту роль мужчина. Самый настоящий мужчина, уверяю вас... Ну, этого я не знаю. Такие подробности вне моей профессиональной компетенции... Может быть, Сюзанна объяснит — наш режиссер Сюзанна Хантсмен, дочь вашей подруги по колледжу? Спектакль-то ставила она, а не я. Полагаю, она пыталась как-то интерпретировать текст, сделать его более современным... Нет, не вышло... Да... Вот именно, не до смеха, какая точная формулировка... Что у нас дальше? Дальше у нас «Дракул, властелин тьмы»... Нет, к сожалению, это невозможно. Потому что мы репетируем «Дракула», а не «Звуки музыки»... Прекрасно, прекрасно, у вас чудный голос... Гамма звучит многообещающе... Кстати, об обещаниях... Помните наш последний разговор? Несколько месяцев назад, вы тогда еще были в Палм-Бич? Не припоминаете? Вы обещали выслать нам свой ежегодный взнос, но мы пока ничего не получили, и наши финансы...

Входит Крэг, он тащит несколько больших мусорных мешков с пустыми банками из-под кока-колы.

КРЭГ. ...поют романсы...

ГОРДОН. ...поют романсы... Ха-ха... Нет, песенку про гамму я не могу спеть... Слов не помню... И мелодию подзабыл...

Честное слово, миссис ДеМартино... Ах вот как? Тогда слушайте:

До — наш ДОм, наш «Балаган».
Ре — РЕсурсов больше нет.
Ми — как МИлость денег ждем.
Фа — ФАст-фуд весь наш обед...

- САРА. *(входит)* Что за концерт?
- КРЭГ. Гордон обольщает нашу благотельницу.
- САРА. Миссис ДеМартино?
- КРЭГ. Ее самую.
- САРА. Она небось опять свою внучку нам в стажеры втюхивает?
- КРЭГ. Вряд ли. Девочка и прошлый-то сезон едва дотянула.
- ТАЙЛЕР. *(входит)* Это пастушка, что ли, в «Пер Гюнте»?
- САРА. Она еще все рыдала, бедняжка, — думала, что залетела от Короля троллей.
- КРЭГ. Надо же, а я и не знал...
- САРА. Одно слово — балаган.
- КРЭГ. ...чего, думал, она так убивается?
- САРА. Поставь себя на ее место. Невелика радость залететь от Короля троллей. Не жалко девочку?
- КРЭГ. Мне-то жалко. А тебе все балаган.
- САРА. Балаган у нее в голове. Не было никакого залета.
- ТАЙЛЕР. Нет? Ну и слава богу.
- САРА. Что такое? Тайлер?..
- ТАЙЛЕР. А ты не наезжай. Я Короля троллей не играл. Я Пер Гюнта играл.
- САРА. Так это ты с ней?..
- ТАЙЛЕР. Не кати бочку...

САРА. Обладеть. Никакой, значит, не Король троллей, а ты, ты!

КРЭГ. Чего она, Тайлер?

ТАЙЛЕР. Да ничо.

ГОРДОН. Есть! Сегодня деньги притащит! Сама к нам пожалует!

КРЭГ. Старик, да девчонке же шестнадцать всего или сколько там.

САРА. Максимум восемнадцать.

ТАЙЛЕР. Двадцать два.

САРА. Ты что, у всех своих девиц паспорт проверяешь?

ТАЙЛЕР. А как же.

ГОРДОН. О чем базар?

САРА, ТАЙЛЕР, КРЭГ (*выходят в разные стороны*) Ни о чем.

*Входит Генри с длинным рулоном
ткани, раскатывает его, измеряет, размечает.*

ГОРДОН. Генри, привет! Как работа продвигается?

ГЕНРИ. Как продвигается? Как лебедь, рак и щука! Тетку сделал. Осталась скромная зарисовочка Шекспира и грандиозный вампирский эпос. Не успеем.

ГОРДОН. Ты всегда жалуешься, а потом раз, и все придумал. Ты у нас волшебник.

ГЕНРИ. Гордон, да одна твоя Дракула со спецэффектами...

ГОРДОН. Не Дракула, а Дракул, властелин тьмы.

ГЕНРИ. Твой ДракУл совсем не кУл. Он все денежки сожрет, не подавится, и добавку попросит. (*Достает из-за уха огрызок карандаша, делает пометку на ткани.*)

ГОРДОН. Я в тебя верю.

ГЕНРИ. Мыши летают, кресты взрываются, звуковые эффекты каждые тридцать секунд, сложнейший свет...

ГОРДОН. В «Пер Гюнте» тоже было много спецэффектов. И ничего, как птичка летел... точнее, как летающая свинья.

ГЕНРИ. ... которую внучка Барбары ДеМартино уронила вместе с Пер Гюнтом точнехонько на Короля троллей.

ГОРДОН. Досадное недоразумение.

ГЕНРИ. Ты вот о чем подумай: все спецэффекты опять на стажерах. Прошу любить и жаловать: Карма, Ян и Броун.

Входят Карма, Ян и Броун, они пытаются пронести через двери сарая стремянку. Сложные маневры, подходы к двери под разными углами не приносят успеха. Правильная мысль — повернуть лестницу боком — в голову им не приходит.

ГОРДОН. Классные ребята.

ГЕНРИ. Гордон! На этих классных ребятах вся техподдержка дневной «Дракулы», затем вечерняя то ли тетушка, то ли дядюшка Чарли, а потом до шести утра они готовят сцену для «Гамлета». Да у них в головах все спектакли перепутались!

ГОРДОН. Ничего, разберутся. Ты подскажешь, научишь, вдохновишь. С таким наставником, как ты, Генри, стажеры творят чудеса.

ГЕНРИ. Чудеса — это прямо в точку. Эй вы, чудики! Верные мои подмастерья! ПОВЕРНИТЕ СТРЕМЯНКУ БОКОМ!

Стажеры делают, как он велел. Карма и Ян выносят стремянку.

ГОРДОН. Послушай, Браун...

БРОУН. Броун.

ГОРДОН. ... какая у тебя сценическая задача?

БРОУН. *(еле шевелит языком от усталости)* У меня одна задача: как собаки завоюют, я чай подаю.

ГЕНРИ. Что и требовалось доказать.

*Входит Сара, видит Гордона и начинает напевать
«Ля — лягушки под кустом...»*

ГОРДОН. Сара, Генри слегка нервничает из-за спецэффектов в «Дракуле».

ГЕНРИ. Слегка?!

ГОРДОН. Может, ты его успокоишь?

Сара пытается ответить, но ее разбирает смех. Не может справиться с приступом хохота, машет в сторону Броуна, Яна и Кармы, которые как сомнамбулы бродят по сцене. Входит Ричфилд, погруженный в разучивание текста.

РИЧФИЛД. «Итак, вы — прекрасная Люси, невеста господина Холмвуда...» Нет, не то! Она — невеста господина Харкера... Прекрасная Люси! Нет, опять не то! Прекрасная Мина, Мина, Мина, Мина! *(выходит)*

САРА. *(сгибается пополам от смеха, хватается за живот)* Все, не могу, ушла. *(выходит)*

ГЕНРИ. Что и требовалось доказать.

ГОРДОН. Ты жуткий пессимист. Вот «Тетушка Чарли» — отлично же смотрится.

ГЕНРИ. К концу спектакля на актерах больше краски, чем на декорациях.

ГОРДОН. Зрителям это нравится. Они как бы становятся участниками спектакля. Все происходит по-настоящему, *вживую*.

ГЕНРИ. Что ж, если им нравится «Тетушка Чарли», то от «Властелина тьмы» они будут просто в восторге!

Свет меняется. Звучит зловещая музыка. Занавес открывается, начинается следующая сцена.

Сцена 2

*«Дракул, властелин тьмы», спектакль театра «Балаган» в постановке
Гордона Пейджа*

Действующие лица

<i>Ван Хельсинг</i>	<i>Ричфилд Хоксли</i>
<i>Джонатан Харкер</i>	<i>Джек Моррис</i>
<i>Доктор Сьюард</i>	<i>Вернон Волкер</i>
<i>Мина Сьюард</i>	<i>Мери Пьер</i>
<i>Дракул, властелин тьмы</i>	<i>Тайлер Тейлор</i>
<i>Крестьянка/Невеста</i>	<i>Дейзи Коутс</i>
<i>Крестьянка/Невеста</i>	<i>Сюзанна Хантсмен</i>
<i>Крестьянка/Невеста</i>	<i>Карма Шнайдер</i>
<i>Работник</i>	<i>Броун Оукс</i>

Текст, выделенный жирным шрифтом, обозначает технические накладки, а также действия и слова актеров, героически пытающихся спасти тонущий корабль.

В глубине небольшой сцены видна низкая каменная ограда, за ней, если возможно, задник и «диск луны». Сцена представляет собой «открытое пространство», воплощенную «концепцию незамкнутости». При помощи рельсов и роликовой тележки по сцене можно перемещать предметы мебели. Открывается занавес, по сцене стелется низкий туман. Джонатан Харкер в окружении группы крестьян, пальцы у них сложены «козой», с выставленным указательным пальцем и мизинцем, для защиты от «дурного глаза».

КРЕСТЬЯНКА/ДЕЙЗИ. Ордог... Покол...

КРЕСТЬЯНКА/КАРМА. Вролак...

ХАРКЕР. Что вам надо? Не понимаю...

КРЕСТЬЯНКА/СЮЗАННА. Стрегоица... Влкослак...

КРЕСТЬЯНКА/ДЕЙЗИ. Вролак... Ордог...

ХАРКЕР. По-английски тут кто-нибудь говорит?.. Я не понимаю, чего вам надо... Оставьте меня.

Крестьянка приближается к Харкеру, потрясает крестом.

КРЕСТЬЯНКА/КАРМА. Вролак! Вролак!

ХАРКЕР. Ничего не понимаю... Уйдите.

КРЕСТЬЯНКА/ДЕЙЗИ. Вролак! Вурдалак! Вампир!

Харкер и крестьяне замирают. Входит Ван Хельсинг.

ВАН ХЕЛЬСИНГ. В год одна тысяча восемьсот девяносто второй от Рождества Христова в руках у меня оказались некие бумаги. Расположив эти дневники, газетные статьи и дружескую переписку в строгой последовательности, мы предлагаем вам рассказ, который легко может быть сочтен бредом сумасшедшего, ибо описываемые события являют собой полную противоположность установившимся представлениям. Никакими доказательствами происшедшего мы не располагаем, однако же я клянусь перед богом, что это чистая правда, и ничего кроме правды.

КРЕСТЬЯНЕ. Ордог... Покол... Стрегоица... Вролак... Влослак...

Крестьяне выходят. Свет меняется. Звучит музыка. Слышен волчий вой. Появляется фигура, одетая в черное, с дверью в руках. Харкер поворачивается, всматривается. Становится видно, что дверь держит когтистая лапа. Харкер роняет мелочь, затем закапывает капли в глаза, пока Дракула «превращается» из волка в человека.

ДРАКУЛА. Добро пожаловать в мой дом, господин Харкер. Входите по доброй воле.

ХАРКЕР. Граф Дракула?

ДРАКУЛА. Он самый. Рад приветствовать вас в этом скромном жилище. Располагайтесь. Ночи нынче холодные, вам нужно отогреться, отдохнуть и поесть. *(Меняется свет. Они проходят в дверь. На сцену выезжают небольшой стол и два стула.)* Надеюсь, вы меня извините, если я не разделю с вами трапезы: я не ем... обыкновенной пищи.

ХАРКЕР. Благодарю вас, граф. Мой хозяин, господин Хокинс, приносит свои извинения. Он не смог приехать по причине разыгравшейся подагры.

ДРАКУЛА. Уверен, что вы и без него полностью удовлетворите мои нужды, Джонатан Харкер. Расскажите же мне об Англии, о доме, который вы приобрели для меня. *(Отдаленный волчий вой.)* Слушайте — то воют создания ночи... ***(Жужжание перематываемой кассеты.)*** ...ласкают слух мой.

ХАРКЕР. Отчего вы хотите переехать в Лондон, граф?

ДРАКУЛА. Там я снова обрету молодость.

*Дракула смеется, смех переходит в дикий, безудержный хохот. Он
взмахивает руками. Харкер хватается за голову. Перемена света.
Дракула выходит — вместе с дверью.*

ХАРКЕР.

Боже, спаси и помилуй! «Кажется, мой старый хозяин, господин Хокинс, который не смог приехать по причине разыгравшейся подагры, втравил меня в нехорошую историю», сказал я себе. Я немедленно принялся осматривать замок. По лестнице я взбежал в самую высокую башню и, высунувшись в окно, увидел в мертвенно-бледном свете полной луны острые пики Карпат... *(На задник проецируется силуэт освещенного луной Дракулы с раскинутыми руками, в развевающемся плаще. Он заслоняет плащом лицо и превращается в летучую мышь. За задником гаснет свет. Подвешенная на проволоке летучая мышь скользит над сценой.)* Странный человек этот граф! Спаси и сохрани!.. Тридцатого мая 1892-го года, в зловещей полутьме хмурого рассвета, я в бездействии наблюдал, как толпа трансильванских крестьян грузит на грубо сколоченные тачки пятьдесят больших деревянных ящичков и медленной вереницей вывозит их за ворота замка. Граф намерен ехать в Лондон, а мне надлежит остаться... Остаться здесь, совсем одному! На милость ужасным невестам Дракулы! *(На заднике высвечиваются силуэты ужасных невест Дракулы, властелина тьмы.)* Попытаюсь перелезть через стену замка! Спаси и помоги!.. *(Джонатан выходит.)*

СЬЮАРД. *(Входит с газетой в руках. Но свет направлен на противоположный край сцены.)* «Дейли Телеграф», восьмое августа 1892-го года. ***(Свет внезапно переключается на Сьюарда.)*** «Сегодня разыгралась странная, ранее не виданная в наших краях буря. В центре ее оказалось иноземное судно, неизвестно как зашедшее в нашу гавань. ***(Свет перепрыгивает на противоположный край сцены. Сьюард переходит в новое световое пятно, которое, разумеется, тут же гаснет и зажигается там, где он стоял раньше.)*** «На борту судна не было ни единой живой души, кроме несчастного матроса, горло которого было странным образом разодрано, будто бы когтями зверя. Так же была замечена похожая на волка крупная, странного вида собака, спрыгнувшая с судна. На загадочной шхуне найден небольшой груз — несколько странных деревянных ящичков, наполненных землей.» Гм-м... Странно.

На сцену въезжает кровать, на которой лежит Мина.

просто превосходно.

ВАН ХЕЛЬСИНГ. Ну что ж... Прекрасно. И все же, барышня... и все же (*неуверенно*) Мина, позвольте мне осмотреть... Готт ин химмель!

СЬЮАРД. Что такое?

ХАРКЕР. В чем дело, доктор? Что-то не так?

ВАН ХЕЛЬСИНГ. Ничего, ничего, друзья мои... **Люс-Мина**, у вас на шее две маленьких колотых ранки. Откуда они?

МИНА. Не знаю... Я ничего не знаю! Оставьте меня!

ВАН ХЕЛЬСИНГ. Ах, **Люси**...

ХАРКЕР. ...**Мина**. Боже мой, **Мина!**

МИНА. Джонатан, обнимите меня. Не уходите, побудьте со мной.

ВАН ХЕЛЬСИНГ. Пройдемте в другую комнату, фройнде?

Ван Хельсинг и Сьюард отходят на другой край сцены. Джонатан следует за ними. Кровать исчезает. При помощи весьма заметного шеста на сцену выталкивают маленький диванчик.

ВАН ХЕЛЬСИНГ. Увы, мои ожидания оправдались. Нет ни малейших сомнений.

ХАРКЕР. Сомнений в чем, профессор?

ВАН ХЕЛЬСИНГ. Доводилось ли вам слышать... о ВАМПИРЕ?

ХАРКЕР. ВАМПИР? В Англии?

СЬЮАРД. ВАМПИР? В девятнадцатом веке?

ВАН ХЕЛЬСИНГ. И тем не менее. Вампир. В Англии, в девятнадцатом веке. У меня есть письмо от моего досточтимого друга профессора Жганы из Будапешта. В письме содержится все, что нам надлежит знать об этом вампире. Вот оно, это письмо... **нет, верно, оно здесь... ах!.. не может быть... вот те раз, я забыл взять с собой письмо моего друга профессора Жганы из Будапешта...**

СЬЮАРД. Ну перескажите, о чем он написал.

ВАН ХЕЛЬСИНГ. **Как это я перескажу?**

ХАРКЕР. **Вы же помните, о чем шла речь в письме?**

ВАН ХЕЛЬСИНГ. **Я? Нет-нет, решительно ничего не помню из письма моего друга профессора Жганы.**

СЬЮАРД. **Надо вспомнить, профессор... может быть, этот вампир — великий князь Влад Дракул из Трансильвании, которого так прозвали, оттого что он дрался с турками как дракон?**

ВАН ХЕЛЬСИНГ. **Точно. Он дрался с турками в пятнадцатом веке. Его также называют Влад Цепеш (*произнося прозвище, Ричфилд щедро плюется в лицо Вернону*), что переводится как... переводится как... (*тихо*) Забыл!**

ХАРКЕР. **Я знаю! Переводится как Влад Пронзитель... Не зря я изучал трансильванский язык в Кембридже.**

СЬЮАРД. **И отчего же его звали Пронзителем, профессор?**

ХАРКЕР. **Да, профессор, что вам об этом известно?**

ВАН ХЕЛЬСИНГ. **Ровным счетом ничего. Вот если бы у меня с собой было письмо...**

Ричфилд пытается улизнуть со сцены. Вернон его не пускает.

СЬЮАРД. **Доктор, останьтесь, вы нам нужны позарез! Как вы полагаете, не может ли вампир обращаться в различных животных? Скажем, в крысу, волка, летучую мышь?**

ХАРКЕР. **Точно, он обращается в животных! Какая увлекательная история!**

СЬЮАРД. **Не то слово... Свет еще такой не видывал.**

ВАН ХЕЛЬСИНГ. **Вы совершенно правы, дорогие фройнде, крайне увлекательная, невиданная история!**

Ричфилд снова пытается сбежать со сцены, и снова его не отпускают.

СЬЮАРД. **А как вы полагаете, профессор, почему он не умирает? Почему живет уже несколько столетий? (*Щелкает двумя пальцами по шее и причмокивает.*)**

- ХАРКЕР. **В самом деле, профессор, почему он живет так долго... столетиями... одно столетие за другим столетием? (делает вид, что порезался, сосет палец.)**
- ВАН ХЕЛЬСИНГ. **Ах, ну конечно! Вспомнил!** Он поддерживает свое существование, отсасывая животворную кровь живых!
- ХАРКЕР. Животворную кровь живых! Помилуйте, профессор, не будете же вы утверждать, что вампиры существуют в наши дни?
- ВАН ХЕЛЬСИНГ. Еще его называют Носферату, немертвый, и даже самое смертоносное оружие бессильно пред ним.
- СЬЮАРД. Невероятно! Как же нам подступиться к этому делу? Даже если изловим вампира, как его погубить?
- ВАН ХЕЛЬСИНГ. **Понятия не имею... Говорю же, забыл это дурацкое письмо.**
- СЬЮАРД. **Отчего же вы, доктор, не выучили это дурацкое письмо наизусть!**
- ВАН ХЕЛЬСИНГ. **Да как я вам целое письмо выучу?**
- СЬЮАРД. **Во время репетиции!..**
- ХАРКЕР. **Доктор Сьюард несомненно имеет в виду, что во время подготовки к нашей сегодняшней встрече, или, иными словами, во время «репетиции», готовясь к нашей встрече здесь, в Лондоне, в девятнадцатом веке, вы могли бы выучить письмо наизусть.**
- МИНА. *(входит со спасительным письмом)* **Вот оно! Профессор, я нашла письмо от вашего старого друга профессора Жганы из Будапешта.**
- ВАН ХЕЛЬСИНГ. **Вот умница, весьма благодарен...**
- ХАРКЕР. **Мы все весьма благодарны, дорогая Мина.**
- ВАН ХЕЛЬСИНГ. *(читает)* Единственное средство погубить вампира — вбить ему в сердце деревянный кол.
- ХАРКЕР. Доктор, помилуйте... **Мина, дорогая, марш назад в постель.**
- МИНА. **Да ништяк, все равно скоро мой выход...**

ХАРКЕР. **Письмо вы доставили, так что...**

Он выталкивает ее со сцены. Она перебегает за кулисами на другой край сцены, громко стуча каблуками. Если возможно, профиль Мины силуэтом пересекает диск луны или задник. Все молчат, пережидая стук каблуков.

СЬЮАРД. Кол в сердце!

ХАРКЕР. Когда я смотрел с башни, как вывозят ящики за ворота, мне пришло в голову...

СЬЮАРД. Разумеется! В этих ящиках...

Входит Мина.

МИНА. Я услышала ваши голоса и решила выйти...

ХАРКЕР. Мина, дорогая, как радостно видеть вас бодрой и здоровой. Уже целую неделю вы не вставали с постели...

СЬЮАРД. Джонатан, как называется поместье, приобретенное вами для графа Дракулы?

ХАРКЕР. Карфакс. Поместье называется Карфакс.

СЬЮАРД. Аббатство Карфакс! А знаете ли вы, где оно находится?

МИНА. Кажется, Карфакс совсем неподалеку?...
(Показывает налево.)

СЬЮАРД. Да, не более мили напрямик через пустошь.
(Показывает направо.)

ХАРКЕР. Тогда он попался! *(Диванчик утягивают за кулисы.)*
Итак, мы отправились на поиски Дракулы... Пересекли пустошь, приблизились к дому и, стараясь держаться поближе к стенам, подошли к двери.

**Скрипит открываемая и закрываемая дверь —
однако, звуковой ряд не совпадает с движениями на сцене.**

ХАРКЕР. Ищите лестницу в подвал.

СЬЮАРД. Боже! Что это?

Над сценой пролетает летучая мышь.

ХАРКЕР. Летучая мышь!

СЬЮАРД. Стреляйте!

Харкер стреляет. Звука выстрела нет.

ВАН ХЕЛЬСИНГ. Из вашего пистолета летучую мышь не убьешь!

ХАРКЕР. **Особенно если он не стреляет.**

СЬЮАРД. **Пистолет дал осечку.**

ВАН ХЕЛЬСИНГ. **А я вам так и сказал...**

СЬЮАРД. Доктор! Вот лестница, сюда!

Харкер и Ван Хельсинг выходят вслед за ним со сцены. Входит Мина.

МИНА. Не помню, как я заснула вчера. Где-то вдалеке прогремел выстрел... **Прогремел... Очень тихо прогремел, пиф-паф... (Из-за кулис раздается, наконец, звук выстрела.)** Потом вдруг завыли собаки... **страшные такие собаки... воют... ууу-ууу...(Собаки не воют. Мери на секунду выпадает из роли, «восстанавливает образный пузырь»)** Затем все объяла полная тишина, я встала с постели и выглянула в окно. Ночное безмолвие (**в этот момент раздается собачий вой**)... нигде ни звука, ни шороха (**снова воют собаки**)... все сковано мраком и тишиной, точно умерло. (**И снова собачий вой.**)

Входит Дракула.

ДРАКУЛА. Я дарю тебе жизнь... Вечность... Кровь — это жизнь... Кровь — это жизнь...

Входит Броун в костюме Брасета, дворецкого из «Тетушки Чарли»

БРОУН. **Чай подан, сэр!**

МИНА. **Ну ваще...**

ДРАКУЛА. **Какой, к черту, чай?**

МИНА. **Разливай, раз принес.**

ДРАКУЛА. **Ах ты... Чай — это жизнь... Чай — это жизнь... (Тихо, стараясь, чтоб не поняла публика) Не из той**

оперы!

БРОУН. **Но собаки-то выли!**

МИНА. **Желаете сахар, сливки?**

ДРАКУЛА. (*Сдавленно*) **Не из той оперы, олуж!**

МИНА. **Я так мечтала познакомиться с вами, должно быть, вы тетушка Чарли из Бразилии...**

ДРАКУЛА. **Я жил во многих временах и странах. Но даже в Бразилии меня знают как Влада Пронзителя. (*Тихо*) Не-из-той-оперы, не-из-той-оперы! Иди отсюда, кыш! (*Он как бы гипнотизирует Броуна*) Иди туда, где много диких обезьян, оставь ее мне, я подарю ей вечность. Приказываю тебе: проваливай!..**

Броун выходит. Дракула подхватывает Мину на руки, прилаживается укусить ее в шею, она подставляет к его губам чайную чашку. Он уносит Мину со сцены.

Входит Харкер, за ним Сьюард и Ван Хельсинг.

ХАРКЕР. Проклятье! Тут не все ящики.

СЬЮАРД. Только тридцать три. Где остальные?!

ВАН ХЕЛЬСИНГ. Как же их отыскать?

ХАРКЕР. В Карфакс было доставлено пятьдесят ящиков. Значит, семнадцать ушли по другому адресу. И экспедитор грузовой компании этот адрес знает.

ВАН ХЕЛЬСИНГ. Превосходная мысль, **Артур!**

СЬЮАРД/ХАРКЕР. **Джонатан!**

ХАРКЕР. Восьмое октября. Я составил список всех грузовых компаний Лондона. Мы разделили его пополам, я занимаюсь одной половиной, Сьюард другой.

Свет направляется на Сьюарда и экспедитора, которого играет Броун в фальшивой бороде.

ЭКСПЕДИТОР. Да, доктор Сьюард, у меня есть эта запись. Мы доставили «пять ящиков с землей обыкновенной» по адресу Ямайская улица, город Бермондсли. **(Быстро) Извините за чай.**

СЬЮАРД. **Ящики с чаем меня не интересуют, только ящики с землей...** Ямайская улица. Благодарю вас, милейший.

Сьюард и экспедитор выходят. Входит Харкер.

ХАРКЕР. Мина, Мина... Он у нас в руках!

Кровать с Миной въезжает на сцену, но останавливается значительно дальше нужной позиции.

МИНА. (говорит не в ту сторону) В руках? Вы уверены?

Кровать отъезжает на пару метров назад.

ХАРКЕР. Ваш отец отыскал ящики.

Кровать передвигается на пару метров вперед.

МИНА. Ах, Джонатан, какое счастье! Неужели пришел конец этому кошмару?

ХАРКЕР. Надеюсь, дорогая... **Куда же вы, Мина?.. Мина!..**

Кровать уносится за кулисы, с разгону врезается во что-то невидимое, затем плавно выезжает на сцену, останавливаясь точно в намеченной позиции. Один столбик кровати сломан. У Мины на коленях лежит покореженный осветительный прибор.

МИНА. Ах, Джонатан, какое счастье! Неужели пришел конец этому ужасу? ***(вручает Джонатану прожектор)***

ХАРКЕР. **По-моему, это ужас без конца...** Дорогая... *(Мина вздрагивает.)* Что с вами, дорогая?

МИНА. Не знаю, милый Джонатан. Ничего не знаю. Обнимите меня покрепче!

Харкер заключает ее в объятия. Звучит далекая, тревожная музыка. На сцене клубится туман. Волчий вой. Харкер и Мина впадают в транс, подтягивают волкам.

ГОЛОС ДРАКУЛЫ. Встань, Джонатан Харкер... Теперь ты в моей власти... Мои мысли стали твоими мыслями...

Харкер медленно отходит от кровати. Входит Дракула с дверью. Он «переступает через порог», захлопывает дверь за собой, прищемляя плац. Пытается снова открыть дверь, ручка отламывается. Он

выбрасывает ее за кулисы.

ДРАКУЛА.

Плащ!.. Эй вы там, за сценой! То есть, за Стиксом... В царстве мертвых... То есть, немертвых... Отдайте плащ!.. Отдайте плащ, подземные гады, убью всех на фиг!

Он берет дверь и подходит к кровати.

МИНА.

Джонатан?

ДРАКУЛА.

Молчите! Еще одно слово, и я размозжу ему голову на ваших глазах... *(Дракула взмахивает рукой, Джонатан хватается за голову и падает на колени.)* Теперь вы плоть от плоти моей, кровь от крови, род от рода. Отныне и навсегда будете вы являться по моему зову. По велению разума моего вы устремитесь ко мне через все преграды, моря и земли. Скрепим же наш союз! *(Дракула пытается укусить Мину в шею, однако зажатый дверью плащ ограничивает его движения. Он кусает ее в руку. Мина не может сдержаться - хихикает. Свет гаснет. Дракула выходит вместе с дверью.)* **Ну, бли-ин!**

Зажигается свет. Мина лежит без сознания на кровати, Харкер распростерт на полу.

ВАН ХЕЛЬСИНГ.

Боже мой! **Люси! Артур!**

СЬЮАРД.

Боже мой! **Мина! Джонатан!** Живее, доктор, займитесь Миной. *(Он бежит к Джонатану, Ван Хельсинг к Мине.)* Он в каком-то дурмане или трансе. Джонатан, Джонатан! *(Бьет его по щеке, чтобы разбудить. Тот дергается невпопад, попадает ему по лицу.)*

ХАРКЕР.

Она жива?

МИНА.

Джонатан...

ХАРКЕР.

Слава всевышнему... Слава всевышнему, вы живы.

ВАН ХЕЛЬСИНГ.

Друзья, мы должны немедленно покинуть логово вампира. Уничтожим оставшиеся ящики с землей, и ему будет некуда деться!

Кровать уезжает за кулисы.

СЬЮАРД.

Со всей возможной поспешностью направились мы на Ямайскую улицу, где обнаружили недостающие ящики,

наполненные землей из Трансильвании, родины вампира.

ХАРКЕР. Однако, ящичков только шестнадцать.

СЬЮАРД. В Карфаксе было тридцать три...

ВАН ХЕЛЬСИНГ. ...итого **сорок восемь**.

ХАРКЕР. ...**девять. Сорок девять!**

ВАН ХЕЛЬСИНГ. **Ну сорок девять! Подумаешь, великий математик...**

ХАРКЕР. Мина в опасности!.. О боже, я должен вернуться к Мине.

ВАН ХЕЛЬСИНГ. Нет, погодите... Тише. Он идет. Все по местам!

Все прячутся. Приглушенный свет. Над сценой пролетает летучая мышь. Входит Дракула, на ходу превращаясь из летучей мыши в человека. Ван Хельсинг выступает ему навстречу, высоко подняв крест.

ДРАКУЛА. Ван Хельсинг!

Дракула шипит и отступает. Харкер и Сьюард загораживают ему путь.

ВАН ХЕЛЬСИНГ. Вот мы и встретились, граф Дракула. Я долго ждал...

ДРАКУЛА. Я тоже ждал этой встречи, Ван Хельсинг, великий Ван Хельсинг! (*Жестом он погружает Харкера и Сьюарда в транс.*) Ничтожества! Вы сильнее их. Но и вы тоже будете служить мне. Идите ко мне. Идите... Вы подчинитесь мне. (*Ван Хельсинг слабеет. Он делает неуверенный шаг вперед.*) Хорош-шо... (*Ван Хельсинг опускает крест.*) Вы — в моей власти...

ВАН ХЕЛЬСИНГ. А-а-а!... (*Огромным усилием Ван Хельсинг поднимает крест, наставляя его в лицо вампиру. Дракула рычит, хватая крест, который должен вспыхнуть у него в руках. **Крест не вспыхивает.***) Святое распятие вспыхивает пламенем в руках у нечисти!

ДРАКУЛА. **А вот и не вспыхивает.**

ВАН ХЕЛЬСИНГ. **Вспыхивает!**

ХАРКЕР. **Я вижу, как оно пылает в руках у нечисти.**

ДРАКУЛА. **А я не вижу. (Крест загорается. СМ.)**

ХАРКЕР. **Доктор Ван Хельсинг слегка помутился разумом от переживаний...**

СЬЮАРД. **Я этой твари сейчас покажу... (Подбирает с пола мышь и вместе с ней, конечно, проволоку. Кто-то тянет за проволоку из-за кулис. Вернон тянет к себе, короткая борьба. Вернон делает мощный рывок и выдергивает на сцену Сару с концом проволоки в руках. Теперь за проволоку тянут из-за кулис с другой стороны. Вернон тянет в свою сторону, вытаскивая на сцену Гордона. Сара «обращается» в летучую мышь, подбирает муляж и «улетает» со сцены. Гордон, подыгрывая, «обращается» в волка и упрыгивает за кулисы.) Вот же мерзкая тварь, убралась наконец...**

ХАРКЕР. **Обе твари убрались... Вампир обратился сразу в пару мерзких тварей, и они... и он...**

СЬЮАРД. ...улетел, все пропало!

ХАРКЕР. Боже, теперь мы бессильны! Мина погибла.

ВАН ХЕЛЬСИНГ. Уверен, дело небезнадежно, Джонатан. Остался только один ящик с землей, и мы найдем этот ящик и его хозяина, где бы он ни был, хоть в самой Трансильвании. В путь, фройнде!

ХАРКЕР. И мы отправились в путь.

ВАН ХЕЛЬСИНГ. Вот он, замок Дракулы...

ХАРКЕР. Несколько часов кряду длились упорные поиски в замке, мы взламывали двери, срывали портьеры и ставни. Тяжкие воспоминания измучили меня...

СЬЮАРД. Есть, нашел! Вот он, последний ящик с землей. *(Вытаскивает ящик на сцену.)*

ВАН ХЕЛЬСИНГ. Нам следует поторопиться, времени в обрез. Солнце садится. *(Сьюард вскрывает крышку ящика ломом.)* Джонатан, подайте молоток и кол.

Харкер бросается исполнять. Входят Невесты.

ХАРКЕР. О боже, боже! Вот они, ужасные невесты Дракулы, властелина тьмы!

НЕВЕСТЫ. Прочь от нашего повелителя! Прочь от нашего повелителя!

Сьюард и Харкер вытесняют Невест со сцены, показывая им крест.

НЕВЕСТА/ДЕЙЗИ. Я таю...

ВАН ХЕЛЬСИНГ. Ради всего святого, Харкер, поторопитесь! Солнце заходит!

СЬЮАРД. Почти зашло. Солнце почти зашло!

Сьюард сдвигает крышку ящика, виден спящий там Дракула. Внезапно Дракула выбрасывает руку, хватая Сьюарда за горло.

ВАН ХЕЛЬСИНГ. Харкер, живо! Молоток и кол!

ХАРКЕР. **Я не могу найти молоток и кол. Я думал, вы всегда сами приносите... молоток и кол.**

ВАН ХЕЛЬСИНГ. **Они где-то там в боковой кулисе... замка.**

ХАРКЕР. **В которой из двух?**

ВАН ХЕЛЬСИНГ. **В левой кулисе... замка.**

СЬЮАРД. *(задыхаясь)* **Да сделайте же что-нибудь, хватит болтать!**

ВАН ХЕЛЬСИНГ. **Я ему сейчас ломом вдарю!**

ДРАКУЛА и СЬЮАРД. **Не трожьте!**

ДРАКУЛА. **Охренели, ломом?.. Ломом меня не возьмешь... Ломом супротив вампира!..**

ХАРКЕР. *(входя слева)* **Невеста Дракулы унесла молоток и кол в правую... кулису замка. Но внезапно божьей милостью она обратилась... в монахиню! Да, в добрую монахиню! Вот и она. *(Входит Карма с молотком и колом)*. Храни тебя бог, сестра! Держите. *(Подает кол Ван Хельсингу)***

ВАН ХЕЛЬСИНГ. Приступим, **Артур**.

ХАРКЕР. **Джонатан!**

ВАН ХЕЛЬСИНГ. Не мешкайте! *(Ван Хельсинг держит кол над грудью)*

Дракулы, Харкер бьет молотком — промахивается, попадает Ван Хельсингу по пальцам.) А-а-а!...

ХАРКЕР. **Прошу прощения.**

ВАН ХЕЛЬСИНГ. **Все, сам вбивай.**

Харкер бьет молотком по колу. Дракула страшно кричит, выпускает Сьюарда, тот отходит, пошатываясь. Харкер бьет второй, третий раз. Входит Мина.

ХАРКЕР. Не верю глазам своим... Мина!.. Слава всевышнему!

МИНА. Он мертв? (**Кол выскальзывает у Дракулы из подмышки, он быстро возвращает его на место и снова застывает как мертвый.**) Слава богу! Ах, Джонатан, наконец-то завершился этот кошмар.

Они выходят.

ВАН ХЕЛЬСИНГ. Вы правы, **Люси...**

ВСЕ ВМЕСТЕ ИЗ-ЗА КУЛИС. **МИНА!!**

ВАН ХЕЛЬСИНГ. ...наконец-то завершился этот кошмар.

Звучит музыка на неправильной скорости. Свет гаснет, но сцена все равно видна. Криво задергивается занавес...

Сцена 3

В сарае темно. Гордон сидит в одиночестве. Доносятся крики, звон бокалов, где-то поодаль идет празднество. Входит Генри, за ним Крэг. Гордона они не замечают.

ГЕНРИ. Вторую неделю подряд!

КРЭГ. Я бы не спрашивал, да ведь приперло.

ГЕНРИ. В магазине, небось, зарплату не задерживают!

КРЭГ. Успокойся, Гордон уже согласился.

ГЕНРИ. Когда ж заплатят, как думаешь?

КРЭГ. Не знаю. После сегодняшнего на «Дракулу» тоже особой надежды нет. Но с выручки хоть актерам

заплатим, чтоб нас профсоюз не закрыл.

ГЕНРИ. Сколько нам уже, шестьдесят...?

КРЭГ. Шестьдесят семь.

ГЕНРИ. Шестьдесят семь лет. Обалдеть.

Они выходят. Гордон поднимается с места. Входит Сара.

САРА. Бывает и хуже.

ГОРДОН. По-моему, не бывает.

САРА. По крайней мере, все живы остались. А Ричфилд как потешно на Тайлера ломом замахнулся...

ГОРДОН. Обхохочешься.

САРА. Не грусти, Гордон. Подумаешь, неудачный спектакль. Завтра свет-звук приведем в чувство. Актеры не будут забывать письма и молотки за кулисами. Ричфилд, может быть, даже вызубрит парочку имен.

ГОРДОН. Может быть.

САРА. А классно я в летучую мышь превратилась, не находишь? Не находишь... Ладно, шучу. Я пошла к ребятам. Ты идешь?

ГОРДОН. Позже. Ты иди.

САРА. Гордон, это всего лишь спектакль...

ГОРДОН. Всего лишь спектакль. Всего лишь актеры. Дейзи и Ричфилд работают здесь с юности. Крэг тоже в этот театр всю жизнь вложил. Это их родной дом. Сегодня в зале был мой учитель, Энди Макаллистер. В 1938-м году он посмотрел в этом театре свой первый в жизни спектакль, а сегодня впервые привел сюда внука. Всего лишь театр, которому 67 лет.

САРА. Все понимаю, дорогой. Не грусти.

Сара выходит. Пауза. Вернон и Джек проходят через сцену к двери, направляясь туда, где идет веселье. Они не замечают Гордона, стоящего в тени.

ВЕРНОН. Одно слово — провал. И не только по технической

части. Все ниже плинтуса — и текст, и режиссура.
Полный и окончательный провал. Он провалил спектакль.

ДЖЕК. Гордон?

ВЕРНОН. А то кто же? Наш художественный, высокохудожественный руководитель. Перед целым светом на посмешище выставил. Представляю, что он из «Гамлета» сделает...

ДЖЕК. Вернон, потише...

Они выходят.

ГОРДОН. “О, если б ты, моя тугая плоть,
Могла растаять, сгинуть, испариться!
О, если бы предвечный не занес
В грехи самоубийство! Боже! Боже!
Каким ничтожным, плоским и тупым
Мне кажется весь свет в своих стремленьях!”

В ходе этой реплики Гордон встает, вносит несколько небольших изменений в костюм — его Гамлет одет по-современному — и исчезает за занавесом. Текст дочитывается в записи. Входят актеры, расставляют стулья, гардеробную вешалку, стол для реквизита. Занавес открывается. Видна задняя часть сцены по ту сторону задника, обтянутого полупрозрачной тканью. Идет «Гамлет», зрители смотрят спектакль как бы из-за кулис.

Сцена 4

ГОРДОН/ГАМЛЕТ. «Нет и не может в этом быть добра. Но смолкни, сердце, скован мой язык!»

ДЖЕК/ГОРАЦИО. (*выходит «на сцену» вместе с Сюзанной в роли Марцелла и Яном в роли Бернардо*) «Привет вам, Принц!»

ДЕЙЗИ. Как там дела?

РИЧФИЛД. Неплохо, кажется. Очень даже неплохо.

ДЕЙЗИ. Ну, слава богу. Ой, чуть не забыла: ни пуха, ни пера тебе в задницу, друг мой! И вам того же, Вернон.

ВЕРНОН. В задницу??

ТАЙЛЕР. (*Броуну, который что-то ищет на реквизитном столе*) Ты

Мери не видал? (*Брун отрицательно качает головой.*)

РИЧФИЛД. Знаешь, Дейзи, эта твоя вечная присказка про задницу... Почему просто не пожелать ни пуха, ни пера?

ДЕЙЗИ. А что тебе не нравится?

РИЧФИЛД. Да неинтересно никому перед выходом слушать про задницу...

ДЕЙЗИ. Так и не слушай.

РИЧФИЛД. Как не слушать, когда ты говоришь?

ДЕЙЗИ. Я говорю: ни пуха, ни пера! А про задницу не слушай... Ты сейчас кто — Призрак?

РИЧФИЛД. Нет. Призраком уже был, сейчас Полоний, потом опять Призрак, потом могильщик и под конец английский посол. Не соскучишься.

ТАЙЛЕР. Где Мери?

РИЧФИЛД. Не знаю, не видал.

ДЖЕК/ГОРАЦИО. «Принц, наш долг примите!» (*Вместе с Сюзанной/Марцеллом и Яном/Бернардо выходит «за кулисы»*)

ТАЙЛЕР. Как там дела?

РИЧФИЛД. Все в порядке, по-моему.

Входит Мери.

ТАЙЛЕР. Мери, ну где ты шляешься? Опаздываем из-за тебя! Я тут стою как дурак, готовлюсь к выходу... Эмоциональная подготовка — ключ к правильному рисунку роли... Скажи, Джек?

ДЖЕК/ГОРАЦИО. Про рисунок роли — это уже не ко мне. Я изучаю право. Могу рассказать про правонарушения, влекущие за собой возмещение вреда и ущерба.

ГОРДОН. (*Одновременно*) «...Изоблится зло, хотя б от глаз в подземный мрак ушло.» (*Он выходит «за кулисы». Мери выходит «на сцену» по прозвучавшей реплике-сигналу.*) Тайлер! «Изоблится зло!»

- ТАЙЛЕР/ЛАЭРТ. Блин! *(выходит «на сцену»)* «Мой скарб уже на корабле, простимся. И если ветер выдастся попутный...»
- ГОРДОН. Что это Тайлер опаздывает?
- РИЧФИЛД. Да Мери слегка... Хотя на самом деле, это Тайлер слегка... Слушай, а спектакль-то живой!
- ГОРДОН. Да, пожалуй. Живой.
- РИЧФИЛД/ПОЛОНИЙ. *(выходит «на сцену»)* «Ты здесь еще? Стыдись, пора, пора!»
- ГОРДОН. *(Садится рядом с Дейзи.)* Публика-то слушает, переживает...
- ДЕЙЗИ. Потому что сегодня не очень жарко. Когда слишком жарко и душно, никто не слушает. Прохлада — вот истинный ключ к сердцу публики.
- ГОРДОН. Двери сарая открыты, ветерок задувает...
- ДЕЙЗИ. И комаров нет. Когда их много, программки лучше продаются — все от комаров отмахиваются.
- ГОРДОН. Да, комаров почему-то почти нет.
- ДЕЙЗИ. Прохлада — лучшая защита от комаров.
- ГОРДОН. Слушают, по-настоящему слушают!
- ДЕЙЗИ. Кто, комары? Ну и слава богу. Ни пуха, ни пера тебе в задницу, душа моя.
- ГЕНРИ. *(Входит вместе с Броуном.)* То есть как, не можешь найти?
- БРОУН. Не могу.
- ГЕНРИ. Ты положил его на реквизитный стол и сверил по списку?
- БРОУН. Положил и сверил.
- ГЕНРИ. Ты потерял череп Йорика!
- БРОУН. Потерял Йорика...
- ГЕНРИ. Ты потерял Этель Барнс Стайн!
- БРОУН. Ё-моё-тель Барнс Стайн!..

ГЕНРИ. Ищи где хочешь или клади на стол собственный безмозглый череп!

БРОУН. Хозяин барин...

Мери/Офелия и Ричфилд/Полоний выходят «за кулисы»

МЕРИ/ОФЕЛИЯ. «Я буду вам послушна, господин мой.»

Гордон/Гамлет и Джек/Горацио выходят «на сцену»

ГОРДОН/ГАМЛЕТ. «Как воздух щиплетя: большой мороз...»

ТАЙЛЕР. Ну спасибо большое, Мери, на выход опоздал из-за тебя.

МЕРИ. Если я с тобой спать отказалась, так я теперь во всем виновата? Видали! Выход он из-за меня пропустил!

ТАЙЛЕР. Нет... Не из-за тебя... *(Мери выходит в гримерную. Тайлер замечает, что вся труппа смотрит на него. Актеры отводят глаза.)* Не из-за тебя.

ГОРДОН/ГАМЛЕТ. «...обычай этот похвальнее нарушить, чем блюсти...» *(Публика одобрительно смеется.)*

РИЧФИЛД. Слышите, смеются... Молодец Гордон!

ВЕРНОН. Ушам не верю.

РИЧФИЛД. Придется поверить.

ВЕРНОН. Невероятно...

РИЧФИЛД. Если б ты его еще не задвигал при всякой возможности...

ВЕРНОН. Я не задвигаю.

ТАЙЛЕР. Старик, ты его в последней сцене прям по заднику размазываешь.

ВЕРНОН. Не размазываю!.. Гордон Пейдж — Гамлет... Что ж, и такое прочтение возможно...

ТАЙЛЕР. А по-моему, Гордон играет — зашибись!

ДЕЙЗИ. Вот именно, зашибись. Он просто рассказывает

историю, честно и без прикрас, без всяких посторонних идей. А что еще публике нужно? Сидеть в темноте, слушать сказку. Высшее достижение актера — быть хорошим рассказчиком.

ТАЙЛЕР. Точно, он супер-рассказчик.

ДЕЙЗИ. ...Еще публике нужно, чтоб с нее пот ручьями не тек.

ВЕРНОН. Эх, убедил меня этот Гамлет, почти убедил!

ДЖЕК/ГОРАЦИО. «Принц, смотрите, вот он!»

ГОРДОН/ГАМЛЕТ. «Да охранят нас ангелы Господни!»

*Входит Ричфилд/Призрак. Меняется световое и звуковое оформление, обозначая переход от четвертой сцены первого акта «Гамлета» ко второй сцене третьего акта. Во время этих и последующих изменений слышатся обрывки известных строф из соответствующих частей пьесы, видны силуэты актеров,двигающихся по сцене за освещенным задником. «На сцене» Гордон/Гамлет и Актеры: Сюзанна в роли Актера, играющего Короля, Карма в роли Актрисы, играющей Королеву, Ян в роли **Луциана**. Не занятые в сцене актеры располагаются за кулисами. Броун рассказывает в поисках черепа. Мери тихо повторяет предстоящий монолог. Тайлер репетирует сцену дуэли. Дейзи и Ричфилд негромко беседуют. Джек изучает «Введение в правонарушения». Примерно с середины следующего монолога, который звучит в динамике все громче, актеры начинают прислушиваться, под конец все замирают и слушают в оцепенении.*

ГОЛОС ГОРДОНА/ГАМЛЕТА. «Произносите монолог, прошу вас, как я вам его прочел, легким языком... И не слишком пишите воздух руками, вот этак; но будьте во всем ровны... сообразуйте действие с речью, речь с действием, причем особенно наблюдайте, чтобы не переступить простоты природы; ибо все, что так преувеличено, противно назначению лицедейства, чья цель как прежде, так и теперь была и есть — держать как бы зеркало перед природой, являть добродетели ее же черты, спеси — ее же облик, а всякому веку и сословию — его подобие и отпечаток... Идите приготовьтесь... Эй! Горацио!»

ДЖЕК/ГОРАЦИО. (Выходит «на сцену») «Здесь, принц, к услугам вашим.»

Перемена светового и звукового оформления обозначает переход от второй сцены третьего акта к четвертой сцене четвертого акта. С

противоположных концов сцены входят Генри и Броун, все еще в поисках.

ГЕНРИ. Не нашел?

БРОУН. Не нашел.

ГЕНРИ. Тогда иди к Гамлету, монолог ему подправь. Что-нибудь типа: «Увы, бедный Йорик! Я знал его, Горацио, но тогда у него еще была голова на плечах!» (*выходит.*)

БРОУН. (*в отчаянии*) Никто не знает, где голова?

ВЕРНОН. Как из дверей выйдешь, сразу направо.

Броун выходит.

ТАЙЛЕР. (*садится рядом с Мери, та отсаживается.*) Все еще сердимся?

МЕРИ. Нам сердиться ни к чему. Я свой выход не пропускала.

ТАЙЛЕР. Вломилась в последнюю минуту, не дала мне собраться. А это для актера самое главное — собраться, подготовиться, вдуматься...

МЕРИ. Я бы, может, и втюрилась в тебя реально, но эти твои закидоны... Первый парень на театре...

ТАЙЛЕР. Как сказала? Первый парень на театре? В этом что-то есть...

МЕРИ. Отвали, мне надо «вдуматься»...

ГОРДОН/ГАМЛЕТ. «О мысль моя, отныне ты должна кровавой быть, иль прах тебе цена!»

Он выходит «за кулисы». В это же время «на сцену» выходят Мери/Офелия, Дейзи/Гертруда и Вернон/Клавдий.

МЕРИ/ОФЕЛИЯ. «Где светлая властительница Дании?»

Снова с противоположных сторон сцены входят Генри и Броун.

БРОУН. Генри! Может, вот это подойдет? (*Показывает ему что-то в картонной коробке.*)

ГЕНРИ. Отлично. Гениально. Иди с Гордоном объясняйся.

БРОУН. Чё, не подойдет?

ГЕНРИ. Ищи череп, кому сказано! Ищи Этель Барнс Стайн!

БРОУН. Гордон! Гордон, можно с вами поговорить... Извините, что лезу, нарушаю эту, как ее, концентрацию внимания, но в пятом акте есть сцена, там Ричфилд, ну этот, могильщик, дает вам череп Йорика, и этот Йорик у меня типа затерялся. Я его на реквизитный стол за полчаса выложил и перед спектаклем по списку проверил, все ништяк, а потом иду такой за ним, чтоб в люк положить, который у нас вместо могилы, а Йорика, блин, нету, ну в натуре нету нигде, я уж обыскался, и Генри меня убьет, потому что дыня, грит, не подойдет... *(Вытаскивает дыню из коробки.)* Ну извините, чё теперь делать... А может это, строчку вставьте — «Увы, дражайший Йорик! Я типа знал сего шута, Горацио, и череп сей, прикинь, прям вылитая дыня.» *(Поворачивает дыню, на которой черным фломастером намалеван череп.)*

ГОРДОН. Ричфилд, где у нас череп?

РИЧФИЛД. В люке.

ГОРДОН. Череп в люке.

БРОУН. Кто ж его туда, блин?..

РИЧФИЛД. Я положил, перед самым началом. Реквизит — святое дело, мой друг, никому не доверяй. Я свой всегда готовлю сам... Кстати, этот череп отлично сработал, прямо как настоящий. Даже напоминает мне кого-то...

БРОУН. А вы чё, не в теме? Это же...

ГОРДОН. Спасибо, Браун. Отлично поработал...

БРОУН. Броун.

ГОРДОН. *(выпроваживает его.)* Спасибо, Браун, спасибо.

РИЧФИЛД/МОГИЛЬЩИК. Ну-с, где мой второй могильщик? Сюзанна, друг мой! На выход нам пора, пора... *(Ричфилд и Сюзанна в роли второго могильщика выходят «на сцену».)* «Лопата и кирка, кирка, и саван бел, как снег...»

Входит Сара.

- ГОРДОН. Ты зачем тут?
- САРА. У меня свободная минутка, пока там Ричфилд играет на пару с Этелью. Я тебе чаю принесла. Подкрепись перед пятым актом.
- ГОРДОН. Думаешь, надо подкрепиться?
- САРА. Нет, ты и так полон сил. «Как все кругом меня избличает...» — этот монолог ты очень мощно прочел, с такой болью... и в горле у тебя как будто комок.
- ГОРДОН. Не как будто, а так и было — я комара проглотил.
- САРА. Ну, все равно. Ты сегодня великолепен. Только не давай Вернону тебя задвигать... Гордон...
- ГОРДОН. Что?
- САРА. Мне к пульту пора.
- ГОРДОН. Свободная минутка истекла?
- САРА. Не успев начаться. *(делает несколько шагов прочь, потом решительно возвращается)* Чай — просто предлог. На самом деле, я вот зачем пришла. *(целует его в губы долгим поцелуем)* Ни пуха. *(выходит)*
- Появляется Вернон, подходит к Гордону.*
- ВЕРНОН. Публика-то слушает.
- ГОРДОН. С одной стороны не перегрета, с другой недоукушена...
- ВЕРНОН. Не понял.
- ГОРДОН. У Дейзи есть теория. Внимание публики обратно пропорционально температуре и количеству комаров в зале.
- ВЕРНОН. А, ну да... Я просто хочу сказать... Спектакль-то идет неплохо.
- ГОРДОН. Да, кажется, все гладко. Спасибо вам.
- ВЕРНОН. Нет, это вам спасибо. Я хотел сказать, вы играете — отлично. Это Я вам говорю... В последней сцене я отступлю, а вы выходите вперед, на авансцену, так

монолог выразительнее прозвучит. Все-таки, Гамлет-то у нас вы... Ладно, до встречи в Дании.

ГОРДОН. До встречи.

РИЧФИЛД/МОГИЛЬЩИК. *(пятясь, выходит «за кулисы», импровизирует)*
«Спрошу опять, так кто прочнее строит, чем плотник? Над ответом поразмысли, а я покамест отлучусь на миг...»
Гордон, черепа-то нет в люке!

ГОРДОН. Как это нет?

РИЧФИЛД. *(выходит «на сцену».)* «Могильщик, несомненно: дома, что строит он, увидят Судный день.» *(не выдерживает, смеется.)*

ГОРДОН. Дейзи, где Этель? То есть, где череп?

ДЕЙЗИ. Этель? Этот череп — Этель?!

ГОРДОН. Нет, конечно. Я сказал не Этель, а... «Тэ-Эль», по латыни Терминус Локус, последнее прибежище. То есть, могила, череп. «Тэ-Эль».

ДЕЙЗИ. Больно ты вумный, Гордон.

ГЕНРИ. *(входит с черепом в руках, подает Гордону.)* Вот, нашел. Под сцену, гад, закатился.

ГОРДОН. Не закатился, а Ричфилд положил. В люк, где ему и следует быть. *(Возвращает череп Генри.)*

ГЕНРИ. *(отдает череп Броуну.)* Ну-ка, Броун, сбегай, положи куда следует.

ТАЙЛЕР. *(отбирает череп у Броуна.)* Куда он сбегает? Сцена-то уже началась.

МЕРИ. А давайте, я незаметно подложу. *(отбирает череп)*
Когда гроб в люк спустят.

ДЖЕК. *(отбирает череп.)* Поздно уже будет подкладывать! У нас сначала череп, а потом гроб.

МЕРИ. *(отбирает череп.)* Наоборот, сначала гроб, потом череп!

ВЕРНОН. *(отбирает череп.)* Вот идиоты, сначала мертвец, потом череп, потом гроб!

КРЭГ. *(входит, берет череп.)* Вот и Этель нашлась! Куда она запропастилась?

ГЕНРИ. Закатилась под сцену.

КРЭГ. Подумать только, куда нашу Этель занесло...

ДЕЙЗИ. Этель??

ГОРДОН. «Тэ-Эль», Терминус Локус. Ты ведь это имеешь в виду, Крэг?

КРЭГ. Ну да, ну да... Терминус Локус. Лови свой фокус-покус! *(Бросает череп Гордону.)*

ГОРДОН. *(отдает Тайлеру.)* Тайлер, возьми ты.

ТАЙЛЕР. А чё я? Пусть Джек на свой выход вынесет. *(Отдает Джеку.)*

ДЖЕК. Не, я не смогу. Держи, Ян, вынесешь потихоньку. *(Отдает Яну.)*

ЯН. Лучше Карма! *(Отдает Карме.)*

КАРМА. Фигушки! Броун, держи. *(Отдает Броуну.)*

БРОУН. Ништяк, я его через задник на сцену переброшу.

ВСЕ. Положь!!

БРОУН. *(кладет череп на пол, поднимает дыню.)* Ну дыню тогда?

ВСЕ. Положь, блин!!

ДЖЕК. Гордон, наш выход.

ТАЙЛЕР. Гордон, держи.

Тайлер и Мери одновременно нагибаются, чтобы поднять череп, крепко сталкиваются головами.

ГОРДОН/ГАМЛЕТ. *(выходит «на сцену».)* «Или этот молодец не чувствует, чем он занят, что он поет, роя могилу?»

РИЧФИЛД/МОГИЛЬЩИК. *(выглядывает «за кулисы» из-за задника.)* «Лопата и кирка, кирка...» *(Импровизирует.)* «Подайте череп сей момент, мне без него никак...»

Тайлер подает череп Мери, та машинально передает Дейзи.

ДЕЙЗИ. (вглядывается в череп) Этель??

КРЭГ. (отбирает череп) Окстись. Сказано, «Тэ-Эль», значит, «Тэ-Эль».

Крэг бросает череп Генри, Генри — Броуну, Броун — Карме, Карма — Яну, Ян — Вернону, который вкладывает череп в руку Ричфилда, высунувшуюся из-за задника точно в нужный момент.

РИЧФИЛД/МОГИЛЬЩИК. «Вот этот самый череп, сударь, это — череп Йорика, королевского шута...» (Показывает череп «публике».)

ДЕЙЗИ. Признайтесь, это — череп Этели.

КРЭГ. Признаемся.

ДЕЙЗИ. Ну что ж... Она всегда мечтала сыграть в «Гамлете»...

МЕРИ. Голову не сильно ушиб?

ТАЙЛЕР. Не. А ты? (Она отрицательно качает головой.)
Слушай, ты тогда сказала... что может и втюрилась бы в меня... Это правда?

МЕРИ. Да. Может, и втюрилась бы.

ТАЙЛЕР. Я тоже. Может, и втюрился бы.

ВЕРНОН. Тайлер, побойся бога, наш выход! Живо на сцену, трепач!

МЕРИ. Желаю удачно помереть.

ТАЙЛЕР. Спасибо на добром слове. (Направляется к выходу на сцену.) Все готовы к финалу?

ДЕЙЗИ. К такому финалу надо долго готовиться, есть что сыграть. Все пьют яд и помирают. Яд — лучший друг актера...

ТАЙЛЕР/ЛАЭРТ. (Выходит «на сцену» вместе с другими актерами.)
«Опускайте гроб. И пусть из этой непорочной плоти возрастут фиалки!..»

*Перемена света и звукового оформления, переход к концу пятого акта.
Следующая сцена играется как театр теней на фоне освещенного с обратной стороны задника. Генри выходит на крыло сцены и, невидимый*

«публике», наблюдает за спектаклем, Крэг смотрит с противоположного крыла.

ГОРДОН/ГАМЛЕТ. «Вот, блудодей, убийца окаянный, пей свой напиток! И ступай скорей за матерью моей!»

ТАЙЛЕР/ЛАЭРТ. «Вот справедливость. Простите мне, о благородный Гамлет!»

ГОРДОН/ГАМЛЕТ. «Будь чист пред небом. За тобой иду я. Горацио, я гибну. Ты живи. Поведай обо мне сердцам неутомленным. Могучий яд затмил мой дух, Горацио... Я умираю. Дальше — тишина.»

ДЖЕК/ГОРАЦИО. «Почил высокий дух. Спи, милый принц. Спи, убаюкан пенъем херувимов!»

Свет гаснет. Публика аплодирует. Не овация, но вполне дружные аплодисменты. Такие, как нужно. Видны силуэты кланяющихся актеров. Занавес. Перемена света. Слышна музыка с идущего где-то за кулисами праздника. Крэг раскладывает карандаши. Сара включает дежурный свет.

Сцена 5

САРА. Ну вот, и спели еще разок «За дружбу прежних дней». Который уже раз, Крэг?

КРЭГ. **«И не сосчитать!..»** Я вообще не понимаю, почему на последнем спектакле все как штык должны тащиться на сцену и распевать перед публикой эту дурацкую песенку.

САРА. Потому что это традиция: на последнем спектакле каждого сезона вся труппа выходит на сцену и поет эту дурацкую песенку. Все 67 лет, с самого основания театра.

КРЭГ. Традиция — это еще не причина.

САРА. Мне кажется, лучшей не найти.

КРЭГ. А мне кажется, пора придумать что-нибудь новенькое.

ГЕНРИ. *(входит.)* Согласен!

САРА. Да вы оба от этой песни рыдаете как младенцы — вы, два здоровых лба! А брюзжите, потому что стесняетесь своих слез, своих откровенно проявленных

чувств. Но старые традиции из-за вас никто отменять не собирается.

ГЕНРИ. А выпить ты не собираешься? Я — собираюсь.
(поворачивается, чтобы уйти.)

САРА. Генри, стой! Это что у тебя — неужели..?
(показывает на шляпную коробку, в которой раньше покоились бранные останки Этели Барнс Стайн.)

ГЕНРИ. Собственной персоной. Я взял ее с собой на праздник.

САРА. Генри!

ГЕНРИ. А что такое, может, у нас свидание.

САРА. Генри!

ГЕНРИ. Я уже сто лет не был на свидании... Кстати, и Этель тоже. (выходит)

САРА и КРЭГ. Генри!

КРЭГ. Сара, в этом сезоне ты очень экономно расходовала карандаши. Рационально и целесообразно. Я очень доволен.

САРА. Целесообразность на службе муз — это мой девиз.

КРЭГ. В любом случае, я весьма признателен. (выходит)

САРА. Гордон, это ты?

ГОРДОН. (выступает из тени.) Да. Опять ты меня углядела. Я люблю иногда просто посидеть в нашем сарае. Закончился сезон, и все здесь сразу стало по-другому.

САРА. Пойдем лучше потанцуем.

ГОРДОН. Я не танцую.

САРА. Посмотрим.

ДЖЕК. (входит) Гордон здесь?

САРА. Его накрыла волна ностальгии по комарам.
(выходит.)

- ДЖЕК. Я хотел вас поблагодарить.
- ГОРДОН. Нет, это я тебе благодарен. Ты отлично сыграл в этом сезоне.
- ДЖЕК. Спасибо.
- ГОРДОН. Жаль, что с «Тетушкой Чарли» так вышло...
- ДЖЕК. Да, мне тоже.
- ГОРДОН. Очень смешной спектакль. Комедия. Хотя во время спектакля было не до смеха... Ну, зато через годик вспомнишь — обхохочешься...
- ВЕРНОН. *(входит)* А знаешь, в чем самый юмор? Самый юмор в том, что даже через тридцать лет ты будешь про «Тетушку Чарли» на бис рассказывать. В арт-кафе и театральных гостиных тебе проходу не дадут. Слух об этом спектакле будет бродить по всем городам и весям нашей необъятной...
- ГОРДОН. Но только не среди юристов! По всем городам и весям нашей необъятной ни единый юрист, собрат Джека по гильдии, не поймет его рассказ. Разве что покивают из вежливости, поулыбаются. И он перестанет рассказывать. А потом и сам перестанет понимать, в чем весь юмор.
- ВЕРНОН. Точно. Этот юмор только актер оценит. «Должно быть, вы — тетушка Чарли?»
- ГОРДОН. *(Изображая Бабса с размытой гендерной ориентацией.)* «Я? Что вы!» *(они смеются.)*
- ВЕРНОН. Пойду вещички свои из гримерной заберу. *(выходит.)*
- ГОРДОН. Значит, Колумбийский университет, юрфак. Когда приступаешь?
- ДЖЕК. В конце сентября, наверно.
- ГОРДОН. Какие-то сомнения?
- ДЖЕК. Нет, я твердо решил. Но представляете, какая нелепость: звонит вчера мой агент — Театр Гатри приглашает меня на просмотр. Я отказался. У меня же учеба.

- ГОРДОН. Вон оно как...
- ДЖЕК. А так хочется на просмотр. И скорее всего, меня бы взяли. Именно сейчас, когда у меня учеба...
- ГОРДОН. Скорее всего.
- ДЖЕК. Скорее всего... Слушайте, а что если договориться с университетом и пойти учиться на следующий год? Так хочется еще немного поработать в театре... Пусть «Тетушка Чарли» не удалась, но играть здесь, в нашем «Балагане» — это было так клево. Как думаете, Гордон? Неплохая идея — пойти учиться на следующий год? Кстати, на просмотре, может, что-нибудь из Горацио почитать?
- ГОРДОН. Ну как тебе сказать... Я думаю... м-м-м...
- ДЖЕК. *(горячо)* Спасибо, Гордон, огромное вам спасибо за мудрый совет! Вы меня выручили, я уж извелся весь. И за то, что пригласили в театр, спасибо. Пойдемте к ребятам?
- ГОРДОН. Сейчас иду.
- Джек выходит.*
- ВЕРНОН. *(входит)* Повесить бы здесь кондиционер да кровопивцев повывести, неплохой бы театрик получился. Какие у тебя планы на следующий сезон?
- ГОРДОН. Не знаю. Не думал еще про следующий, тут бы с этим...
- ВЕРНОН. Может, Стриндберг? «Пляска смерти», к примеру? Всегда хотел сыграть капитана.
- СЮЗАННА. *(входит)* Или Ибсен? «Дочь моря»? У меня есть гениальный концепт!
- ГОРДОН. Как вам известно, у Барбары к Ибсену особое отношение...
- СЮЗАННА. Неужели? Но, Горди, ведь идея какая богатая! Она наверняка согласится.
- ГОРДОН. А знаете, пожалуй, что и согласится — если уговаривать будете вы.
- СЮЗАННА. Прямо сейчас, на вечеринке, и поговорю.

- ГОРДОН. Скажите, что автор Генрик Ибсен, тот самый, который написал «Пер Гюнта». И не забудьте упомянуть, что это вы поставили «Тетушку Чарли». Это будет контрольный выстрел.
- СЮЗАННА. Спасибо, Горди, попробую. *(выходит)*
- ВЕРНОН. Так как мы договоримся? Насчет следующего сезона?
- ГОРДОН. А вы хотели бы вернуться? Вам понравилось?
- ВЕРНОН. Ну не так, чтоб кипятком писать... Но есть в «Балагане» что-то гипнотическое.
- РИЧФИЛД. *(входит вместе с Дейзи)* Дух.
- ВЕРНОН. Вы о чем?
- РИЧФИЛД. Дух тут гипнотический.
- ВЕРНОН. Что за дух особенный? Гримом пахнет? Или коровником?
- РИЧФИЛД. Древние подгнившие бревна, из которых сложен амбар. Прелье кленовые листья.
- ДЕЙЗИ. Свечной дым.
- САРА. *(входит с двумя бокалами.)* Средство от плесени и комаров.
- ВЕРНОН. Застарелое коровье говнище...
- ДЕЙЗИ. А вот это мимо дома. Этель так всегда говорила: мимо дома... *(входят Тайлер и Мери.)* Смотрите, кто пришел. Где вы прятались?
- РИЧФИЛД. Похоже, на складе реквизита.
- МЕРИ. Мы реквизит проверяли! *(хохочет)*
- ДЕЙЗИ. Опять будет как в «Пер Гюнте», Тайлер?
- МЕРИ. А как было в «Пер Гюнте», Тайлер?
- ТАЙЛЕР. Гордон, у нас к вам просьба.
- ГОРДОН. Валяйте.

- ТАЙЛЕР. Я не уверен, что это можно... Ведь распорядок, его надо соблюдать, и вообще... Да я уверен, что нельзя, так чего зря просить...
- МЕРИ. Можно нам следующим летом пожениться в нашем амбаре?
- РИЧФИЛД. Вот те на!
- ДЕЙЗИ. Боже мой!
- САРА. Ах, черти!
- ДЕЙЗИ. Это прекрасная новость! Еще одна свадьба в нашем амбаре. Кто же у нас последний раз женился? Ты не помнишь, Сара?
- САРА. Затмение памяти.
- РИЧФИЛД. *(Пытаясь сменить тему.)* Послушай, Дейзи...
- ДЕЙЗИ. Ой, вспомнила: Гордон и Сара!
- САРА. Неудивительно, что у меня затмение.
- ВЕРНОН. Так вы женаты? Я с вами целый сезон отработал и не знал, что вы женаты...
- САРА. Были женаты.
- ГОРДОН. Мы в разводе.
- САРА. Уже три года как.
- ГОРДОН. Три года и четыре месяца. И девять дней...
- САРА. Гордон, ответь детям насчет амбара.
- ГОРДОН. Да пожалуйста, женитесь на здоровье. До открытия сезона. И выберите ночь потемнее.
- МЕРИ. Супер! Гордон, вы просто супер, хоть и папик. Спасибочки!
- ТАЙЛЕР. Но мы не хотим нарушать распорядок. Вдруг Крэг обидится...
- МЕРИ. Закрой кран, зайчик. Поцелуй меня.

САРА. Тайлер, вот уж не ожидала. Только что ты превращался в летучую мышь, а теперь на глазах у изумленной публики превращаешься в женатого человека? Изумленная публика, знакомая с тобой не понаслышке, не верит глазам своим.

МЕРИ. Пошли танцевать.

ДЕЙЗИ. Да, правда, пошли танцевать, Ричфилд! И ты тоже, Вернон.

ВЕРНОН. Ни за что.

Выходят все, кроме Сары и Гордона.

САРА. Ты что, дни считаешь?

ГОРДОН. Считаю. (*Сара протягивает ему бокал.*) Что это?

САРА. Джин с тоником. Твой любимый.

ГОРДОН. А это? (*Показывает на второй бокал.*)

САРА. Диетическая кола. Моя любимая.

ГОРДОН. (*ровно*) Вот как?

САРА. Да, вот так. Все лето только ее и пью... Ну, почти...

ГОРДОН. Почему же ты...

САРА. Потому что тогда пришлось бы об этом говорить. И о нас с тобой пришлось бы говорить. А я не могу. Небось жалеешь, что пригласил меня поработать?

ГОРДОН. Нет. А ты жалеешь, что согласилась?

САРА. И я нет. Можно на следующий сезон повторить?

ГОРДОН. Конечно.

САРА. Спасибо... Гордон, я...

Входят Крэг и Генри. У Генри в руках череп.

КРЭГ. Гордон, у меня для тебя новости. Я тут бабки подбил...

- ГЕНРИ. У нормальных людей прощальная тусовка, а наш Крэг подбивает бабки.
- КРЭГ. Все расходы учел... Кроме чеков, которые Генри найдет у себя в заднем кармане и пришлет мне по почте в декабре. Но я, разумеется, ему расходов не возьму — потому что все следует делать вовремя!.. Итак, к удивлению своему констатирую, что мы закончили сезон в небольшом плюсе.
- ГОРДОН. А именно?
- КРЭГ. За вычетом запаса на всякий случай...
- ГЕНРИ. На случай чеков из заднего кармана.
- КРЭГ. ...за вычетом этого запаса, у нас остается ровно сто шесть долларов... И этой суммы, разумеется, недостаточно, чтобы начать новый сезон. Так что готовься звонить миссис ДеМартино...
- ГЕНРИ. (поет) *Ми — как МИлость денег ждем...*
- ГОРДОН. Прекрати!
- ГЕНРИ. Не вешай нос, Гордон, у нас есть в запасе фьорды. Легкое движение руки — и фьорды превращаются в Альпы.
- РИЧФИЛД. (входит вместе с Дейзи.) Крэг, Гордон, вы не поверите... Барбара ДеМартино сейчас такой фортель выкинула...
- ДЕЙЗИ. Я видела собственными глазами.
- КРЭГ. Да что стряслось?
- ДЕЙЗИ. Барбара взяла полную миску с крабовым соусом и аккуратно надела ее на голову Сюзанне.
- КРЭГ. Невероятно. А чем ей Сюзанна-то не угодила?
- РИЧФИЛД. Затрудняюсь объяснить.
- САРА. Гордон?
- ГОРДОН. Затрудняюсь объяснить.
- БРОУН. (входит с Кармой и Яном.) А чё там на тусовке за разборка?

- ГОРДОН и САРА. Затрудняемся объяснить.
- МЕРИ. (*входит с Тайлером, Джеком и Верноном.*) Ну старушки зажгли в полный рост — тэквандо против кикбоксинга!
- КРЭГ. Там еще кто живой остался?
- МЕРИ. Барбара со своими крутыми дружками из клуба и Сюзанна, такая вся в крабах — фу, гадость...
- ГОРДОН. Быстро закрыть двери, не ровен час сюда заявятся!
(*Кто-то закрывает двери.*)
- ГЕНРИ. Тихо все! Пусть думают, что мы ушли. Тишина!
- ГОРДОН. Вырубить свет! (*Приглушенные разговоры, смех. Все рассаживаются поудобнее. С грохотом распаивается дверь, входит Сюзанна. На голове заметные остатки крабового соуса. Напряженная пауза.*) Сюзанна... мы...
- ГЕНРИ. (*Декламирует с преувеличенно-отчетливой дикцией выпившего*)
«Фа — фантазия моя. Соль — в солонке на столе...»
- Дейзи жестом приглашает Сюзанну присесть.*
- КАРМА. Весь сезон был такой... адский! А конец ваще очешуеть!
- БРОУН. Точняк — очешуеть! «Чай подан, сэр!» (*Все хохочут, стонут от смеха.*)
- ЯН. Было супер. За все лето я, наверное, поспал всего... часа три.
- КАРМА. Я всем-всем буду писать! Каждый день! И мылом, и чатиться будем, как с предками... Зуб даю.
- ВЕРНОН. Зуб даю, ни строчки не напишешь.
- ДЕЙЗИ. Вернон...
- ВЕРНОН. Не будет она писать, и никто с ней не будет чатиться. Ясно как день.
- ДЕЙЗИ. ...даже такой дуре, как мне. И все же это наш последний вечер, и ради «дружбы прежних дней» можно бы не язвить.
- ВЕРНОН. Все они такие, новички, молокососы...

- БРОУН. Чё это мы сразу молокососы? (*Вернон собирается ответить.*)
- САРА. Когда первый раз работаешь в театре, все очень глубоко переживаешь, с партнерами так тесно сходишься, прямо срастаешься в одно целое. И думаешь, что вы останетесь близкими людьми навсегда.
- ВЕРНОН. А фигушки.
- РИЧФИЛД. Почему? С кем-то останешься близок. Кого-то встретишь случайно где-нибудь на просмотре...
- САРА. Но это уже совсем не то... А позже, поработав в разных труппах, на разных спектаклях, понимаешь, что это упоительное, хоть и мимолетное, братство и есть смысл театра. За этим мы сюда и пришли.
- ДЕЙЗИ. Наша песенка «За дружбу прежних дней» — как раз об этом.
- КАРМА. Название для песенки отпад...
- ДЕЙЗИ. Да, мне когда-то казалось, что она называется «За дружбу между днями»...
- ВЕРНОН. Как медаль, что ли — «За дружбу между народами»?
- ДЕЙЗИ. Ну да, вот дружат дни, и за это им медаль... Я еще думала, что правильнее «дружба между днями»... (*Общий смех и веселье.*) Ах, это все пустое. Главное, песня такая светлая, немного печальная, и мы поем ее вместе, и Сара так изумительно подхватывает в конце...
- РИЧФИЛД. Песня о старой любви...
- ТАЙЛЕР. И дружбе...
- САРА. И о том, что ничего не забывается...
- ГОРДОН. И о тех, кто летними вечерами рассказывает в старом амбаре сказки...
- ГЕНРИ. (*Запевает негромко, слегка запинаясь. Остальные подтягивают сначала вразнобой, но на последних строках голоса сплетаются в стройный хор, в котором различим голос каждого. Сара берет Гордона за руку. Свет гаснет.*)

Забить ли старую любовь
И не грустить о ней?
Забить ли старую любовь
И дружбу прежних дней?

За дружбу старую -
До дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней.

КОНЕЦ

Реквизит

Тексты пьес
Различные блокноты, листы
Карманный фонарик (ГОРДОН)
Спички (ГОРДОН)
Рекламный проспект спектакля (МЕРИ)
Сумка (МЕРИ)
Портфель (ВЕРНОН)
Мобильный телефон (ГОРДОН)

Бокалы (ВЕРНОН, САРА)
Шляпная коробка (ГЕНРИ, ГОРДОН)
Чайный набор (БРАУН)
Шляпа (РИЧФИЛД)
Продукция компании Кока-Кола (Крэг)
Рулон ткани (ГЕНРИ)
Огрызок карандаша (ГЕНРИ)
Стремянка (КАРМА, ЯН, БРАУН)
Распятие (КАРМА, РИЧФИЛД, ДЖЕК, ВЕРНОН)
Монеты (ДЖЕК)
Глазные капли (ДЖЕК)
Газета (ВЕРНОН)
Дневник (МЕРИ)
Зажигалка (МЕРИ)
Лом (ВЕРНОН)
Колотушка (КАРМА)
Кол (КАРМА)
Учебник (ДЖЕК)
Картонная коробка с мускусной дыней (БРАУН)
Череп (ГЕНРИ)
Упаковка со льдом (МЕРИ, ТАЙЛЕР)
Карандаши (КРЭГ)

Звуковые эффекты

Леденящая кровь музыка
Вой волков
Звук перемотки пленки
Скрип двери при открывании-закрывании
Выстрел
Лай собак
Музыка на неверной скорости
Праздничный шум
Смех публики
Аплодисменты